

ЛИЦА
РЕВОЛЮЦИИ

ИЛЬЯ РАТЬКОВСКИЙ

ДЗЕРЖИНСКИЙ

ОТ «АСТРОНОМА»
ДО «ЖЕЛЕЗНОГО ФЕЛИКСА»

Илья Ратьковский

**Дзержинский. От «Астронома»
до «Железного Феликса»**

«Алисторус»

2017

УДК 929 Дзержинский Ф.
ББК 63.3(2)6-8 Дзержинский Ф.

Ратьковский И. С.

Дзержинский. От «Астронома» до «Железного Феликса» /
И. С. Ратьковский — «Алисторус», 2017

ISBN 978-5-906979-74-2

Когда восемнадцатилетний Феликс Дзержинский в 1895 году примкнул к революционному движению, то в качестве подпольной клички выбрал псевдоним «Астроном». Когда он умер в 1926 году, то друзья и враги уважительно называли его «Железным Феликсом». Для одних он был создавшим ВЧК «первочекистом» и организатором Красного террора. Для других «аскетичным рыцарем революции», который реанимировал экономику России после Первой мировой и Гражданской войн, боролся с коррупцией и беспризорностью. Кем же он был на самом деле? И в честь кого были названы 1342 городских объекта России, площади, улицы, проспекты и переулки?

УДК 929 Дзержинский Ф.
ББК 63.3(2)6-8 Дзержинский Ф.

ISBN 978-5-906979-74-2

© Ратьковский И. С., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Введение	6
Дзержинские: происхождение, семья, детство	14
Виленская гимназия и начало революционного пути	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Илья Ратьковский
Дзержинский. От «Астронома»
до «Железного Феликса»

© Ратьковский И. С., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Введение

В геральдике белый цвет (серебро) обозначает нравственные, духовные ценности и безукоризненную чистоту; красный цвет является символом огня, мужества и отваги.

В психологии красный цвет «способствует активности, дружелюбию, уверенности, в больших количествах вызывает гнев и ярость. Дает уверенность в себе, готовность к действию, способствует заявлению о силе и возможностях.

Белый цвет обладает особенностью зрительно увеличивать пространство. Красно-белый флаг Польши.

Революционный 1917 г. выявил в России целую череду фигур, которые в дальнейшем стали известны не только в рамках своей прежней деятельности, но и теперь на новой стезе. Ряд из них, ранее одни из многих, стали знаковыми (культовыми) фигурами: Корнилов, Керенский... Одним из таких деятелей стал Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926). До революционных событий в России он был известен большинству только как один из представителей польской социал-демократии, но в 1917 г. Дзержинский становится одной из ключевых фигур российского революционного процесса. Назначение его 7 (20) декабря 1917 г. председателем ВЧК обозначит новый этап жизни Дзержинского, с которым преимущественно и будут его позднее ассоциировать.

Подобное схематичное восприятие Феликса Дзержинского надолго станет основой посвященных ему исследований. Безусловно, говоря о Дзержинском, следует дать ему характеристику как чекисту и бессменному руководителю органов безопасности первых лет советской власти ВЧК-ГПУ-ОГПУ. В этом плане необходимо раскрыть деятельность этих органов и обозначить роль Дзержинского в них. Тем более что именно с этими органами советской госбезопасности связана большая часть информации в обществе о нем, в т. ч. и большая часть стереотипов.

«Железный Феликс», прозвище, которое Дзержинский получил от своих товарищей, было подхвачено современниками и вошло в формирующийся образ непреклонного чекиста. При этом «Железного Феликса» уже при его жизни воспринимали по-разному. Кто-то считал его рыцарем революции, а кто-то чекистским палачом, красным катом. Это крайние точки зрения, более связанные с политическими пристрастиями людей, характеризующими Дзержинского, чем объективные характеристики конкретного политического и государственного деятеля, реального человека. С одним, безусловно, можно согласиться – это была неординарная фигура, в которой переплелись самые разные моменты истории России и Польши.

Красное и белое во многом определило его биографию. Это были цвета его Родины – Польши, это цвета ярости, крови, гнева и одновременно рыцарственности, чистоты замыслов, бескрайнего пространства. Это цвета основных сторон Гражданской войны в России. Это образ Дзержинского, в котором переплелось красное с белым.

Восприятие Дзержинского изначально развивалось в двух направлениях: литературном и историческом. Литературность образа Дзержинского проявилась в многочисленных произведениях писателей, где он стал героем или прообразом героя. Начало этому процессу положил еще известный русский литератор Г. И. Чулков. Находившийся с Дзержинским в знаменитом Александровском центре в начале XX века, он использует свои впечатления о нем и его товарище эсере Сладкопевцеве при написании дореволюционных рассказов «На этапах» и «Пустыня». Позднее он расскажет в своих мемуарах и об Александровском бунте, участни-

ками которого были, среди прочих, и он, и Дзержинский¹. После революции и последующих лет Дзержинский стал героем многих советских произведений. Упомянем только некоторые, наиболее известные: это поэма А. И. Безыменского «Феликс» (1927), небольшое, но емкое стихотворение Эдуарда Багрицкого «ТВС» (1929), поэма С. Г. Сорина «Товарищ Дзержинский» (1957), повесть Ю. М. Королькова «Феликс – значит счастливый...» (1974), исторический роман Юлиана Семенова «Горение» (1977–1987), повесть Ю. П. Германа «Рассказы о Дзержинском» (1979) и т. д.

Не раз становился Феликс Эдмундович Дзержинский героем или прообразом героя и для произведений иностранных авторов. Иногда это была литературно-публицистическая попытка изложения биографии Дзержинского, иногда гротеск, не имевший ничего реального с персонажем. В первом ключе образ Дзержинского в 1930-х гг. нарисовал Роман Гуль в небольшой книжке «Дзержинский»², во втором, в этот же период, опубликовал свою книгу «Дзержинский, красный палач, золотое сердце» («Dzierzynski, czerwony kat, złote serce») Богдан Роникер (Bogdan Jaxa-Ronikier)³. Указанные книги (не раз переизданные), мягко говоря, неоднозначны, но также рисуют свой – темный образ Дзержинского. Есть и другие художественные иностранные произведения, где выведен Дзержинский. Так, в западноевропейской литературе интерес представляет интерпретация его образа в романе выдающегося английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма (1874–1965) «Рождественские каникулы», в котором Дзержинский занимает важное место в системе персонажей⁴. Отметим, что это взгляд не только английского писателя, но и британского разведчика, которым был Моэм.

Можно отметить и попытки научного изучения биографии Дзержинского на Западе. Среди последних работ, удачно раскрывающих личную жизнь Дзержинского, но в меньшей степени государственную деятельность, отметим исследование Сильвии Фролов, переведенную на русский язык. Польский период жизни Дзержинского в ней дан на хорошем уровне. К сожалению, в советском периоде часто присутствуют грубые ошибки. Укажем только на один характерный момент, свидетельствующий о знании автором советских реалий. Для нее убийца Урицкого, террорист Каннегисер, эсер, а не энес, левые и правые эсеры и савинковцы – также некое общее явление под термином «эсеры». Много и других ошибок. Вместе с тем отметим, что иногда, следуя за предшественниками, автор все же не стремится идти по пути приятия любой лжи про Дзержинского и, хотя часто ошибается, но пытается быть объективной⁵.

Использование образа Дзержинского в литературе – лишь один из аспектов его отражения в рисуемых позитивных и негативных символах революции. Автору близок образ Дзержинского в стихотворении Э. Багрицкого «ТВС», но и оно не раскрывает всего Дзержинского, его сути, противоречий его личности.

Отчасти, раннего, дореволюционного Дзержинского можно понять, читая его дневники и письма. Тюремный дневник и тюремные письма, открытки и письма к родным, часто издавались еще в советский период⁶. В этот же период были частично опубликованы его письма к Маргарите Николаевой, одной из женщин, которую он любил. Уже в начале XXI века они были опубликованы полностью А.А. и А. М. Плехановыми⁷. Известны сейчас и его письма к Сабине Файнштейн, также одной из его любимых женщин. Впоследствии этими же авторами

¹ Чулков Г. И. Годы странствий. М., 1999.

² Гуль Р. Дзержинский, Менжинский – Петерс, Лапис – Ягода. Париж, 1936.

³ Jaxa-Ronikier B. Dzierzynski. Czerwony Kat. Krakov, 1990.

⁴ Никола М. И., Петрушиова Е. А. Образ Дзержинского в романе Сомерсета Моэма «Рождественские каникулы» // Филология и культура. 2015. № 3.

⁵ Фролов Сильвия. Дзержинский. Любовь и революция. М., 2017.

⁶ Дзержинский Ф. Дневник. Письма к родным. М., 1958; Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984.

⁷ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой / подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007.

был издан комплекс личных источников Дзержинского⁸. Все это, наряду с краткой автобиографией Дзержинского, его литературным изложением побега из второй ссылки, рядом статей Дзержинского указанного периода, послужило одной из основ первых глав данной книги. Важным моментом были архивные материалы о семье Дзержинского, которые содержатся в российских архивах: РГАСПИ, ЦГИА СПб и других.

Гораздо меньше материалов о личной жизни Дзержинского после 1917 г. Да, известны отдельные его личные письма, есть множество воспоминаний о нем, но нет таких откровенных источников, как ранее. У Дзержинского просто нет в этот период времени вести дневники, нет времени писать пространные письма. Здесь приходится опираться больше на документы. Там больше государственного, меньше личного, но и они дают многое для понимания личности Дзержинского. Впрочем, материалы фонда Политбюро РГАСПИ хорошо фиксируют отпуска Дзержинского, его состояние здоровья.

Сейчас в научный оборот введены сотни документов, связанных с деятельностью Ф. Э. Дзержинского, прежде всего на посту Председателя ВЧК-ОГПУ. Прежде всего следует упомянуть основывающийся на фондах ГА РФ, РГАСПИ и Центрального Архива ФСБ сборник документов, подготовленный А.А. и А. М. Плехановыми⁹. Этот сборник дополняет ранее изданные документальные сборники по истории ВЧК, а также по общеполитическим вопросам истории Советской России¹⁰. Отметим, что ряд важных документов, характеризующих деятельность Ф. Э. Дзержинского, не вошли в указанный плехановский сборник. Однако они были опубликованы ранее в других фундаментальных сборниках, что дало возможность в данной книге восполнить указанный пробел А. Г. Тепляковым в его рецензии на плехановский сборник¹¹. Также важным дополнением послужили статьи и интервью Дзержинского в советских газетах и журналах, а также тексты его выступлений и письма. Отметим в этом отношении публикацию последних писем Дзержинского в журнале «Коммунист» за 1987 г.¹²

Сразу отметим, что без изложения революционного процесса XX века характеризовать, исследовать личность Дзержинского невозможно. Поэтому предметом данной книги будет вся биография Дзержинского, начиная с его происхождения и ранних лет жизни. Это важный момент. Например, в период Виленской гимназии сложатся важные для будущей биографии Дзержинского отношения (Гольдманы, Сольц и т. д.)¹³. Важным представляется и момент знакомства Дзержинского с другими деятелями российского и европейского революционного движения. Безусловно, раскрыть все аспекты биографии Дзержинского в рамках одной книги крайне сложно, поэтому в данном исследовании автором сделан акцент на основных вехах биографии Дзержинского. Ряд сторон его деятельности будет раскрыт менее подробно, ряд более подробно. В данном случае для автора имел значение именно личностный подход к биографии Дзержинского, выявление ключевых поворотных фактов его жизни, что привело его в революционное движение, когда он становится революционером-интернационалистом, как он

⁸ Дзержинский.... Всевозвышающее чувство любви... Документы. Письма. Воспоминания /сост. А. М. Плеханов, А. А. Плеханов М., 2013.

⁹ Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 /сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007.

¹⁰ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917 – 1921 гг.: Сборник документов /Редкол.: Белов Г. А., Куренков А. Н., Логинова А. И. и др.; Сост.: Гончаров А. К. и др. М., 1958; Ф. Э. Дзержинский о революционной законности // Исторический архив. 1958. № 1; В. И. Ленин, КПСС о борьбе с контрреволюцией/ Сост. Г. С. Хозхлюк. М., 1978; В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922). М., 1987; Большевиcтское руководство. Переписка 1912–1927. Сборник документов. М., 1996; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. М., 2003 и т. д.

¹¹ Тепляков А. Г. Рецензия на книгу Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 //Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. Т. 10. Вып. 1: История. С. 219–222.

¹² В предчувствии перелома. Последние письма и записки Ф. Э. Дзержинского //Коммунист. 1989. № 8.

¹³ Ратьковский И. С. «Гимназистки влюблялись в него по уши». Виленская гимназия в жизни «Железного Феликса». 1887–1896 //Новейшая история России. 2014. № 2; Ратьковский И. С. А. А. Сольц и Ф. Э. Дзержинский: история взаимоотношений // Евреи Европы и Ближнего Востока: История, социология, культура. Материалы Международной научной конференции. Сер. «История и этнография». 2014. СПб., 2015.

становится председателем ВЧК и почему меняется его мировоззрение в тот или иной период деятельности?

Сама работа не могла бы состояться без учета вклада предшественников по изучению его деятельности. Поэтому укажу ряд исследований и воспоминаний, которые были выполнены в более ранний период. Прежде всего отмечу, что о деятельности и личности Ф. Э. Дзержинского много писали его современники. Это были воспоминания его соратников, товарищей по партии, а также его противников, чаще всего оказавшихся в эмиграции. Известны воспоминания чекистов Я. Х. Петерса, М. И. Лациса, В. Р. Менжинского, И. С. Уншлихта, В. Н. Манцева, С. Г. Уралова, Ф. Т. Фомина, В. И. Гersona, А. Я. Беленького, С. Г. Тихомолова и многих других. Эти воспоминания неоднозначны, т. к. ряд из авторов находились в конфронтации к Дзержинскому (о чем не упоминают Петерс, Лацис), другие написали их непосредственно в 1926 г., после смерти Дзержинского, что задавало их тон. Мемуары более позднего периода также субъективны. Тем не менее, эти воспоминания дают определенную ценную информацию о Дзержинском и его деятельности в ВЧК-ГПУ-ОГПУ. Можно согласиться с В. Р. Менжинским, что «говорить о Дзержинском-чекисте – значит писать историю ВЧК-ГПУ как в обстановке гражданской войны, так и в условиях нэпа»¹⁴.

К этим же воспоминания примыкают мемуары советских политических деятелей. Опять-таки многие из этих воспоминаний вышли после июля 1926 г. Частично эти мемуары впоследствии входили в сборники воспоминаний о Дзержинском, переиздававшиеся и выходившие в СССР массовыми тиражами. Наиболее известными такими сборниками были «О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников» и «Рыцарь революции»¹⁵. Среди мемуарной литературы также выделяются воспоминания его родственников. Прежде всего, это воспоминания его жены¹⁶. Упомянем и полумемуарную юношескую биографию Дзержинского, которую написала его племянница¹⁷. Есть краткие мемуары Яна Феликсовича Дзержинского, позднее ряд интервью дал внук Ф. Э. Дзержинского.

Существуют также мемуары эмигрантов, в которых Дзержинскому отводились страницы, а иногда и отдельные главы. О Дзержинском писали и вспоминали С. П. Мельгунов, Ф. И. Шаляпин, В. Н. Сперанский и многие другие. Их воспоминания носят явно пристрастный характер, в т. ч. учитывающий результаты встреч с Дзержинским. С этой точки зрения надо рассматривать работы и воспоминания историка Мельгунова, который допрашивался Дзержинским, затем отпускался им на свободу, но впоследствии он делал акцент только на негативных моментах биографии Дзержинского и ВЧК. Личные пристрастия Мельгунова закономерно приводили его к фальсификации событий Гражданской войны¹⁸. Однако без эмигрантских источников, при всей их ангажированности, сложно составить целостную оценку Дзержинского. В этом плане очень важны мемуары Валентинова, подчиненного Дзержинского в ВСНХ¹⁹. Интерес представляет и сопоставление красных и белых мемуаров в освещении деятельности Ф. Э. Дзержинского. Критически подходя к красным и эмиграционным мемуарам, понимая их особенности, можно извлечь из них необходимый политический и биографический материал.

¹⁴ Менжинский В. Р. Рыцарь революции // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987.

¹⁵ О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987; Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967.

¹⁶ Дзержинская С. С. В годы великих боев. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1975.

¹⁷ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977.

¹⁸ Ратьковский И. С. «Красный террор» С. П. Мельгунова // Проблемы исторического регионоведения. Сборник научных статей. Вып. 3. СПб., 2012.

¹⁹ Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991.

Первые биографии Дзержинского, вышедшие в СССР в тридцатые годы, носили очерковый характер. Как правило, их основу составляли авторские воспоминания. Среди подобных книг (вышли в 1930-е гг.) – биографии А. И. Микояна, Ф. Кона и других²⁰. Во второй половине 1950-х гг. явно виден новый всплеск интереса к личности Дзержинского. Именно с этого периода начинается научное изучение его биографии. Среди советских исследований следует выделить хорошо известные специалистам, неоднократно переиздаваемые, биографии Ф. Э. Дзержинского: П. С. Сафонова, А. Ф. Хацкевича, Н. И. Зубова, А. В. Тишкова, С. С. Хромова, А. С. Велидова и многие другие²¹. Безусловно, эти исследования создавались в определенных идеологических условиях. Это приводило к упрощению биографии Дзержинского, которую «вписывали» в историю партии как пример жизненного пути «верного ленинца», без акцентирования имевшихся у него разногласий с В. И. Лениным. Всегда относившийся к Ленину с уважением, Дзержинский, тем не менее, неоднократно занимал противоположную ему позицию. Достаточно упомянуть Брестский мир и создание СССР. Упрощались и другие моменты биографии первого чекиста. Речь шла как о его происхождении, так и о его деятельности на разных государственных постах. Тем не менее, именно этими авторами были сделаны первые научные биографии Дзержинского, введен целый пласт новых источников. Особо отметим работы А. С. Велидова, известного историка ВЧК²².

В постсоветский период также вышел ряд биографий Ф. Э. Дзержинского. Некоторые из них носили явно «разоблачительный», «заказной» характер. Типичный пример – книга А. Иванова «Неизвестный Дзержинский. Факты и вымыслы», которая была издана в 1994 г.²³ Вымыслов там, к сожалению, действительно больше, чем фактов. Последних практически нет. Все вследствие задачи автора – очернить Дзержинского.

В чем-то схожа в подходе к биографии Дзержинского работа И. Симбирцева²⁴. Не разбирая ее полностью, отметим, что в книге есть отдельная 7-я глава, посвященная Ф. Э. Дзержинскому. Отметим, что в отличие от А. Иванова, И. Симбирцев пытается создать более объективный образ Дзержинского. Некоторые его положения представляют, на наш взгляд, интерес. Среди них разделение «чекистской биографии» Дзержинского на период до и после 1918 г. Так же интересна авторская трактовка последних лет его жизни, где сделан акцент на «усталость» и определенную «внесистемность» Дзержинского. Вместе с тем работа не отличается проработанностью и в ней наличествуют грубые ошибки и неоднозначные авторские замечания. Так мы «узнаем», что Дзержинский якобы никогда не вспоминал своей матери после ее смерти. Странно, что автор не читал дневник Дзержинского, его письма, в которых он о ней часто и проникновенно пишет. Его поступление в Виленскую гимназию Симбирцев трактует как уход из дома. По логике автора все поступающие в гимназии «бегут» из дома. При том, что мама Дзержинского выехала вместе с сыном и долгое время жила вместе с ним. Один из первых псевдонимов, «Переплетчик», Дзержинский якобы получил после побега из Нолинска (к слову, бежал он не из Нолинска, а из Кая), хотя это было до его первой ссылки. Пытаясь осветить личную жизнь Дзержинского, Симбирцев не в курсе существования Сабины Файнштейн. Сын

²⁰ Микоян А. И. Феликс Дзержинский. М., 1937; Кон Ф. Феликс Эдмундович Дзержинский: Биографический очерк. М., 1939.

²¹ Софинов П. С. Страницы из жизни Ф. Э. Дзержинского. М., 1956; Хацкевич А. Ф. Феликс Дзержинский – пламенный боец за коммунизм. Минск, 1957; Хацкевич А. Ф. Рыцарь революции. М., 1967; Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. ... 4-е изд., доп. Минск, 1982; Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. М., 1963; Тишков А. В. Первый чекист. М., 1968; Тишков А. В. Дзержинский. 4-е издание. М., 1985; Хромов С. С. По заданию Ленина. Деятельность Ф. Э. Дзержинского в Сибири. М., 1964; Хромов С. С. Феликс Эдмундович Дзержинский на хозяйственном фронте. М., 1977; Велидов А. С. Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. 4-е изд. М., 1987.

²² Велидов А. С. Коммунистическая партия-организатор и руководитель ВЧК (1917–1920). М., 1970; Велидов А. С. К истории ВЧК-ОГПУ. Без вымысла и купюр. СПб., 2011.

²³ Иванов А. Неизвестный Дзержинский. Факты и вымыслы. М., 1994.

²⁴ Симбирцев И. ВЧК в ленинской России. 1917–1922. М., 2008.

Дзержинского, Ясек Дзержинский, оказывается, родился в тюремной больнице, а не в тюремной камере, где вместе с женой сидела женщина-детоубийца. В ВРК Дзержинский, по Симбирцеву, был назначен после Октябрьской революции... Впрочем, далее в послеоктябрьский период также много подобных авторских ляпов и «открытий». От вроде бы небольших, таких как вербовка Филиппова в 1918 г., а не в 1917 г., как было на самом деле, до явной фальсификации: осенью 1918 г. Дзержинский выехал якобы в Швейцарию на курорты для поправления здоровья. Никакого лечения там не было, была встреча с семьей, были позднее переговоры с германскими левыми социал-демократами и многое другое, но лечения не было. Упомянем и «январский разнос Ленина» 1919 г. Дзержинскому за ограбление ленинского автомобиля бандой Кошелькова. Какой мог быть разнос, если Дзержинский вместе со Сталиным уехали раньше, еще за две недели, расследовать «Пермскую катастрофу» в Вятку и вернулись оттуда еще через большой срок? Откуда взял этот разнос Симбирцев, известно только ему, хотя он дважды в этой главе в разных местах (во второй раз на нескольких страницах!) подает это как достоверный факт. Винцент Матушевский был расстрелян в октябре 1918 г., но как это могла, по Симбирцеву, сделать колчаковская контрразведка, если еще и переворот-то не состоялся? Сначала Дзержинский, по Симбирцеву, возглавил Наркомат путей сообщений, а затем НКВД РСФСР. Было же все наоборот. Дзержинский, оказывается, мог в 1920 г. возглавить польское советское правительство, т. к. был назначен главой польского ВРК. Станным образом Симбирцев не увидел реального председателя Польревкома Ю. Мархлевского. Впрочем, ссылок на что-либо у Симбирцева мало, а если они есть, то странные. Он лично выявляет документ в архивах, а затем его цитирует по публикации Н. Н. Непомнящего. Он лично считает воспоминания о беспризорниках Тихомолова фальсификацией, забывая о других схожих воспоминаниях, в т. ч. будущего академика, которого также, только ранее, извлекли из асфальтного котла в Москве. Есть подобное и дальше, например о якобы разрыве Дзержинского с женой в 1923 г., который делает автор, не заметив их совместного отдыха в этот и последующие годы. Впрочем, это опять без ссылок...

Можно также упомянуть работы современного публициста-исследователя Л. М. Млечина²⁵. В них он выявил ряд важных для автора этой книги моментов. Прежде всего это касается истории ряда родственников Ф. Э. Дзержинского, в т. ч. их судьбы после смерти первого руководителя советских органов безопасности. Также интерес представляет взгляд Млечина на взаимоотношение Дзержинского с большевистскими лидерами: В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Л. Д. Троцким. Этим же сюжетам посвящена отдельная глава неоднозначной книги Д. Рейфилда²⁶. К сожалению, этот автор часто просто идет за вымыслами упомянутого выше Роникера, и работа от этого не выигрывает в научности.

В этом отношении очень много данной книге дало выполненное на основе многочисленных архивных материалов недавнее монографическое исследование известного московского историка С. С. Войтикова. Его концепция событий лета-осени 1918 года и последующего полугодия заслуживает отдельного выделения в плане разработки отношений лидеров большевиков в этот период, в т. ч. Дзержинского, Сталина, Ленина, Троцкого, Свердлова²⁷. Важным для книги были введенные С. С. Войтиковым в научный оборот архивные материалы по истории ВЧК и МЧК.

Среди других научных работ, посвященных Дзержинскому, следует обязательно отметить насыщенное фактами исследование А. М. Плеханова «Дзержинский. Первый чекист России»²⁸. Эта книга очень хорошо раскрывает основные направления деятельности ВЧК-ОГПУ

²⁵ Млечин Л. М. Председатели органов безопасности. Рассекреченные судьбы. М., 2001.

²⁶ Рейфилд Г. Гл. 2. Сталин, Дзержинский и ЧК // Сталин и его подручные. М., 2008. С. 70–121.

²⁷ Войтиков С. С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. М., 2017.

²⁸ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007.

в 1917–1926 гг., в меньшей степени она характеризует самого Дзержинского. Это скорее сборник статей автора, его выступлений на «Лубянских чтениях», чем биография Дзержинского. Позднее у него вышла другая книга, близкая по содержанию, «Кто вы, «Железный Феликс»?»²⁹. Однако, несмотря на некоторую схематичность освещения личности Дзержинского, именно А.М. и А. А. Плехановым мы обязаны изданием целого массива документов и материалов о Ф. Э. Дзержинском. На наш взгляд, любая биография Дзержинского невозможна без использования этих материалов.

Отдельно следует упомянуть и книги московского исследователя С. А. Кредова, посвященные Дзержинскому³⁰. В них раскрывается вся биография Дзержинского, различные стороны его деятельности, в т. ч. на посту председателя ВСНХ, наркома железных дорог и т. д. Отметим хороший литературный слог, логичность повествования. Работа может считаться одной из лучших последних биографий Дзержинского, несмотря на имеющиеся в ней фактические ошибки. Есть явные ошибки в биографии отца Ф. Дзержинского. Также Кредов отрицает роль Дзержинского в бунте в Александровском центральном, хотя существуют многочисленные воспоминания об этих событиях, в т. ч. у указанного выше Чулкова. Есть отдельные замечания по советскому периоду. Но, повторяю, данные замечания не обесценивают хорошую работу.

Необходимо также указать на имеющиеся многочисленные исследования по истории ВЧК-ОГПУ, где Дзержинскому закономерно уделено внимание. Историография ВЧК-ОГПУ очень обширна, поэтому упомяну свою работу, где я дал им краткую характеристику³¹.

Необходимо упомянуть и литературу, посвященную Дзержинскому как руководителю высших экономических органов Советской республики. До сих пор очень важны в этом плане упомянутые работы С. С. Хромова. Их дополняет изданная в более поздний период книга О. Р. Лациса «Перелом», где Дзержинскому уделено много страниц³². Данная работа была продолжением прежних исследований Лациса³³. Из последних публикаций можно отметить статью М. А. Рогачевской³⁴.

В 2016 г. исполнилось 90 лет со дня смерти Дзержинского, в 2017 г. исполняется 140 лет с его рождения и 100 лет Российской революции, 100 лет со дня образования ВЧК, 95 лет со дня создания ГПУ. Эти даты не только информационный повод, но и повод раскрыть биографию Феликса Дзержинского на фоне революционных исторических событий. В данной книге хотелось бы отойти от стереотипов, говорить не только об известном политическом деятеле, а о конкретном человеке, его взглядах, их эволюции, его окружении, о ключевых личностных моментах биографии Дзержинского и т. д. Все это, по мнению автора, может позволить создать более точный портрет Феликса Дзержинского.

Еще один момент, важный для автора книги: 11 сентября родился Феликс Дзержинский, и в этот же день, только в 1938 г., родилась моя мама, учитель русского языка и литературы Ратьковская Татьяна Николаевна. Ей и отцу, учителю истории Сергею Ивановичу Ратьковскому, я посвящаю эту книгу. Нам с братом вас очень не хватает....

Хотелось бы также выразить свою благодарность людям, которые оказывали автору поддержку на протяжении всей работы по подготовке журнальных публикаций по заявленной теме, выступлениях в средствах массовой информации, подготовке книги: директору Института истории СПбГУ д.и.н. А. Х. Даудову, заведующему кафедрой Новейшей истории России Института истории СПбГУ проф. М. В. Ходякову, к.и.н. А. И. Колпакиди, к.и.н. С. С. Вой-

²⁹ Плеханов А. Кто вы, «Железный Феликс»? М., 2013.

³⁰ Кредов С. А. Дзержинский. М., 2013; Кредов С. А. Феликс Дзержинский. Вся правда о первом чекисте. М., 2016.

³¹ Ратьковский И. С. Красный террор в 1918 и ВЧК. Карающий меч ВЧК. Саарбрюккен, 2011.

³² Лацис О. Р. Перелом. Опыт прочтения нескрещенных документов. М., 1990.

³³ Лацис О. Р. Искусство сложения: Очерки. М., 1984.

³⁴ Рогачевская М. А. В поиске «правильной линии в управлении страной и хозяйством»: Ф. Э. Дзержинский //Историко-экономические исследования. 2013. Т. 14. № 1–2. С. 45–72.

тикову, к.и.н. Е. Н. Яковлеву, к.и.н. А. В. Вороновичу (Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина), научному сотруднику научно-образовательного отдела Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина С. В. Алексееву, к.и.н. Н. И. Богомазову (Институт истории СПбГУ), польскому историку Ежи Чаевски, израильскому историку к.и.н. В. В. Каминскому, работникам музея Ф. Э. Дзержинского в Держиново (Республика Беларусь), сотрудникам российских архивов и библиотек. Особая благодарность моей жене к.и.н. Н. А. Ратьковской, которая на протяжении многих лет видела мою работу и была первым ее слушателем и критиком.

Дзержинские: происхождение, семья, детство

В доме-музее Ф. Э. Дзержинского в бывшем имении Держиново Ивенецкого района Минской области Республики Беларусь есть прослеженное сотрудниками музея до середины XVII столетия генеалогическое древо рода Дзержинских. Это достаточно старинный дворянский род, имеющий генеалогические связи со многими, прежде всего польскими и белорусскими, фамилиями, что подтверждает родовой герб «Сулима», к которому он относится. Отметим, что фамилия Держаньски (Dzierżański) упоминается еще в гербовнике Кацпра Несецкого³⁵. В дальнейшем эта фамилия превратилась в Дзержински³⁶. Данный гербовник, наряду с документами, подтверждающими владение крепостными крестьянами, использовался с середины XVIII века как доказательство польского дворянского происхождения.

Задолжествованным основателем рода на данный момент правомерно считается поляк Станислав Дзержинский³⁷. Его сыном был Николай Дзержинский (умер в 1703 г.), о котором известно, что он уже в чине ротмистра кавалерии³⁸ (патент получил от польского короля Яна Казимира 11 апреля 1663 г.) приобрел в 1666 г. по купчей крепости от чашника³⁹ Бурдо (Бурбы) в Крожском (Кражяйском) повете Самогитского княжества недвижимое имение «Спицы» («Спице») с десятью крестьянскими дворами⁴⁰.

Самогитское княжество⁴¹ в этот период входило как автономное образование в состав Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтйского, а затем в состав Речи Посполитой⁴². Территориально княжество находилось на землях западной части современной Литвы. Поселение же Крожи (ныне поселок городского типа Кражай Кельмесского района в Шяуляйском уезде Литвы) имело уже к этому времени длинную историю, включающую и дохристианские жертвы богине охоты Меджиойме (Медейна), и вхождение в состав Ливонского ордена, и обратное возвращение в состав Литовских земель.

Само купленное имение (помимо плодородных угодий в нем имелось около 100 га леса) располагалось на разоренной войнами территории: сразу несколько государств вели здесь незадолго до его приобретения военные действия. Особенно близлежащие территории пострадали, когда в военный конфликт Речи Посполитой и Московской Руси, вызванный восстанием Богдана Хмельницкого на Украине, вмешалась в 1655 г. Швеция. Польско-литовские земли неоднократно разорялись шведскими, русскими, украинскими и даже татарскими отрядами. Только в 1660 г. между Речью Посполитой и Швецией был заключен Оливский мир, в результате чего сосредоточившиеся на русских войсках поляки в 1661 г. вернули Вильно. Однако военные действия велись здесь вплоть до Андрусовского перемирия 1667 г. между Россией

³⁵ Держаньские герба Сулима с воеводства Равского в Центральной Польше.

³⁶ Возможно, что происхождение фамилии Дзержинских (Держаньски) шло от села Держно (Dzieržno) в померанском воеводстве (перед разделами Польши в т. н. Королевской Пруссии) в повете (уезде) Бродница.

³⁷ Сильвия Фролов упоминает, как первого упомянутого в книгах Дзержинского, представителя Пинского уезда Кишиштофа Дзержинского (1632). Вместе с тем она не связывает его родственно со Станиславом Дзержинским, просто отмечая данный факт // *Фролов Сильвия. Дзержинский. Любовь и революция. М., 2017. С. 23.*

³⁸ Ротмистр в польской армии командовал пехотной сотней или конной хоругвью.

³⁹ Придворная должность, известная в Великом княжестве Литовском с 1409 г., с XVII в. известна также под польским названием «чесник».

⁴⁰ *Гуль Р. Дзержинский. М., 1992. С. 8; Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 18; Материалы дома-музея Ф. Э. Дзержинского в Держиново.*

⁴¹ Княжество Жемайттия, Жмудь или Самогития, герб – на золотом поле черный, стоящий на задних лапах медведь с червлеными глазами и языком.

⁴² Российские императоры, до Николая II включительно, носили титул Самогитского князя. В российских войсках был гренадерский самогитский полк, сформированный в декабре 1818 г. из числа польских уроженцев. Он участвовал в подавлении польского восстания 1830–31 гг., просуществовал до 1918 г. // *Абаза К. В. Краткая история 7-го Гренадерского Самогитского генерал-адъютанта графа Тотлебена полка. М., 1888.*

и Речью Посполитой. Поэтому хотя имение и было достаточно большим, но дохода особого не приносило.

Николаю Дзержинскому по духовному завещанию наследовал 4 мая 1703 г. его сын Якуб (Яков)⁴³. Он родился в Слонимском районе Жемайтйского княжества. Благодаря службе различным более знатным польским родам он укрепил свое положение. В результате Якуб Дзержинский имел уже два земельных владения: одно – усадьба Кохиншики от маршалка Слонимского пана Воловича; и другое, наследственное – Спице, которая находилась в том же Крожском районе Жемайтйского княжества. Вскоре после наследования отцовской усадьбы последовала удачная женитьба на дворянке Тересе (Терезе) Сыртотв (Syrtowtywna), которая укрепила материальное положение семьи. В двадцатых годах XVIII века жена сделала Якубу Дзержинскому дарственный акт на 10 тыс. талеров⁴⁴. В этом документе отмечалось, что пожертвование сделано «в честь признательности за примерное поведение в супружестве и как поощрение в дальнейшем». Сумму эту позднее она завещала своей дочери Марцианне (Марии)⁴⁵. После смерти Тересы Якуб Дзержинский женился вторично и в этом браке также имел детей. За время совместной жизни с Барбарой Талмонт у них родилось 3 сына: Вавржинец (Лаврентий), Рох (Рохат) и Антоний (Антон).

11 февраля 1755 г., после смерти Якуба, все его сбережения и имение в Кохиншиках перешли к жене по второму браку Барбаре (Варваре) и ее детям, за исключением закладной суммы, которая отошла к Марцианне. Она же, в свою очередь, по духовному завещанию все имущество, доставшееся ей после смерти матери и отца, передала родным братьям: Антонию, Вавржинцу⁴⁶ и Роху⁴⁷. Антоний в силу естественного права и завещания, составленного отцом и матерью, был выбран среди братьев наследником. На него легли различные обязанности, касающиеся дома и семьи в целом. Также отметим, что Антоний был хорунжим в польском войске⁴⁸. К этому же периоду также относятся упоминания в ряде архивных документов некоего урядника Дзержинского, женатого на Екатерине Пашковской и служившего при польском короле Станиславе Понятовском.

Все трое братьев по определению Литовско-Виленского дворянского депутатского собрания 5 марта 1799 г. были внесены в дворянскую родословную книгу Минской губернии⁴⁹. Впоследствии потомки Роха и Антония, в том числе и их сыновья, были также вписаны в дворянскую родословную книгу Минской губернии по определению Минского дворянского собрания 18 июня 1819 г. и 7 октября 1861 г.⁵⁰ В определении 1819 г., сделанном предводителем шляхты Минской губернии, статским советником, кавалером ордена Святого Станислава первой степени Михаилом Антоновичем Деспот-Зеновичем⁵¹ из Братошина, а также депутатами минской

⁴³ Плеханов А. М. Первый чекист России. М., 2007. С. 18.

⁴⁴ Во время правления польского короля Яна II Казимира в 1663 г. была отчеканена первая серебряная монета номиналом 1 злотый (соответствовала 1/3 талера). При общем весе 6,726 г она содержала всего 3,36 грамма чистого серебра.

⁴⁵ Материалы дома-музея Ф. Э. Дзержинского в Держиново.

⁴⁶ О потомстве Вавржинца неизвестно.

⁴⁷ У Роха было два сына: Ян (Иван, р. 1837) и Юзеф (Иосиф, р. 1799). У последнего было несколько сыновей: Матфей (Матвей), Иван-Петр // Материалы дома-музея Ф. Э. Дзержинского в Держиново.

⁴⁸ Хорунжий – офицер, руководивший ополчением одного повета, в его функции входила организация ополчения. Один из высших постов в земском правлении Речи Посполитой.

⁴⁹ Плеханов А. М. Первый чекист России. М., 2007. С. 18.

⁵⁰ В том числе сын Антония Дзержинского Юзеф-Ян и сын последнего Эдмунд-Руфин Дзержинские // Плеханов А. М. Первый чекист России. М., 2007. С. 18–19.

⁵¹ Деспот-Зенович М. А. – предводитель минского дворянства в 1814–1823 гг., Деспот-Зенович – литовский дворянский род, герба Зенович. Предок их Братош и сын его Зиновий упоминаются в 1401 г. в числе литовских вельмож, подписавших акт о верности польскому королю. Внук Зиновия, Юрий Иванович Зенович, был в 1507 г. наместником смоленским. В XVI в. двое Деспот-Зеновичей были кастелянами смоленскими и один – воеводой брестским. Приставку «Деспот» род этот принял в конце XVII в., когда появилась легенда о происхождении его от деспотов сербских. Род Деспот-Зеновичей внесен в VI часть родословной книги Минской губернии. Одна ветвь этого рода переселилась еще в конце XV в. в Россию, где фамилия ее

губернии, говорилось: «Депутаты Минской губернии, ознакомившись с документами, постановили, что предки рода Дзержинских имели все права и привилегии шляхетского рода, при том имели земельный надел, а также пользовались всеми свободами, полученными от правящих монархов. Поэтому предводитель шляхты Минской губернии и районные депутаты постановили, что семья Дзержинских, происходящая от Юзефа с сыновьями Винцентом и Онуфрием, признается шляхетной, приписывается в книгу шляхты Минской губернии, о чем будет выдано свидетельство (подтверждение) на имя Юзефа, сына Антония Дзержинского».

Согласно этому же определению, более бедные и менее родовитые, по сравнению с другими шляхетскими родами, дворяне Дзержинские в XVIII–XIX веках работали экономами в более богатых и знатных польско-литовских дворянских домах Ванковичей⁵², Оскерков⁵³ и других.

Упомянутый выше хорунжий Антоний (1755 – первая половина XIX века), женатый на Констанции Адамович известного польского рода Лелива, был прадедом Феликса Дзержинского. У него была два сына – старший сын Юзеф-Ян (Джозеф-Джон) и младший – Игнатий-Иван⁵⁴. Старший сын Антония Дзержинского – Юзеф-Ян Дзержинский (1788–1854) был дедом Феликса. У него в браке с Антуанеттой (Антониной) Озембловской (1799–1869) из герба Радвана и родился отец Феликса Дзержинского.

Именно с этим браком, скорее всего, и следует связывать приобретение имения, позднее известного как Держиново, а ранее значившегося как Оземблово (Oziembłowo). После упомянутого брака имение вскоре поменяет название на Держиново. Вместе с тем следует отметить, что сами члены рода Дзержинских в официальной переписке еще долго будут употреблять оба эти названия наравне, как Держиново, так и Оземблово. Так, Станислав-Карл Эдмундович Дзержинский (старший брат Феликса Дзержинского) в июньском 1893 г. прошении на имя ректора Санкт-Петербургского университета называл это имение Оземблово⁵⁵, а в более позднем мартовском прошении 1896 г. упоминал его, как свой адрес для официального ответа, уже в качестве Держиново⁵⁶. Уже в XX веке Держиново, находившееся территориально в составе Польской Республики (после его образования), вновь будет значиться на польских картах как Оземблово. Позднее, после воссоединения восточных и западных белорусских территорий, последовавшего в 1939 г., Оземблово вновь вернет название Держиново, которое оно носит по сей день.

Оземблово в XIX веке было небольшим имением, насчитывающим в общей сложности 180 гектаров, в том числе включая усадьбу. Фамилия же Озембловских принадлежала очень известному, древнему и обильному потомками польскому дворянскому роду. Впоследствии один из Озембловских станет соратником Феликса Дзержинского по чекистской работе⁵⁷.

В браке Юзефа-Яна Дзержинского и Антуанетты Озембловской было 11 детей:

1. Ричард-Эдвард-Винцент (Викентий) (р. 1817). Женат на Коллете Островской.

получила форму Зиновьевы.

⁵² Ваньковичи (белор. *Вацьковічы*, польск. *Wankowiczowie*) – древний белорусский дворянский и шляхетский род герба «Лис». В начале XVIII в. были владельцами местечка Ивенец. Минский стольник Теодор Ванькович построил костел святого Михаила, даровав монахам-францисканцам земли и средства на строительство.

⁵³ Оскерки – старинный шляхетский род герба «Мурделио». Представители рода Оскерок имели владения землей в Мозырском, Новогрудском, Ошмянском поветах, в Минском и Полоцком воеводствах. В исторических источниках упоминаются с XVI в.

⁵⁴ Игнатий имел 4 детей (Валерьян р. 1826 г., Вильгельм р. 1833, Еразм р. 1838, Иосиф-Михаил р. 1840 г.). Про них мало что известно, кроме того что у Иосифа-Михаила был сын по имени Михаил, родившийся в 1863 г.

⁵⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 29453 (Дзержинский Карл Эдмундович). Л. 22.

⁵⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 29453 (Дзержинский Карл Эдмундович). Л. 63.

⁵⁷ Озембловский Иван (Ян) Густавович (1888 – сентябрь 1919).

2. Онуфрий-Антоний-Модест (р. 1818). Жил в Петриловичах. Женат на MAZURKIEWICZYWNA.

3. Бернард-Леонард (1819–1879) – регент, католический священник.

4. Томаш-Юстин (1822–1865)⁵⁸. По польскому генеалогическому сайту, умер в 1859 от столбняка. Врач в Теофиополии (город в Волынской губернии). Жена Паулина (Paulina Skibicka). В русском варианте написания имени Томаш-Юстин значился Фомой. Про его внука Влацлава есть интересная статья, основанная на следственном деле НКВД, которая позволяет уточнить многие семейные детали.

5. Антоний-Николай (1823–1865. Умер в Дзержиново).

6. Анна Дзержинская (р. 1827. Данные польского сайта).

7. Фелициан-Иосиф (в пол. Фелициан-Ян) (1830–1904). Врач в Мозыре. Жена Роза Люция Шембель (Szembel), представительница известного не менее чем с 1492 года польского дворянского рода, дочь Михаила и Марии Озембловских. Умерла в 1912 году в Токкуме⁵⁹.

8. Юзефа (1831–?).

9. Леокадия (р. 1833).

10. Розалия (в замужестве Бурзынская, р. 1835). Скорее всего, она была замужем за представителем дворянского рода Бурзынски = Burzyński из Ошмянского уезда Виленской губернии (Замянки, что под Налибоками).

Отметим, что есть интересные данные о Романе Вацловиче Малиновском (1877–1918), известном большевике-провокаторе. После 1891 г., когда умерла его мать, в 1892 или 1893 г. он был отдан на попечение мужу тетки (сестры отца) Бурзынскому, владевшему небольшим заводом в Варшаве⁶⁰.

10. Эдмунд-Руфин (отец Феликса, 1837–1872).

Отец Феликса Дзержинского, Эдмунд-Руфин Иосифович Дзержинский, родился 6 декабря 1837 г., о чем свидетельствует метрика, сохранившаяся в его личном студенческом деле⁶¹, в городе Ошмяны Виленской губернии, который находился примерно в 52 километрах от Вильно и в 120 от Минска (сейчас город Ошмяны входит в состав Гродненской области Республики Беларусь). Ошмяны к этому времени еще только отходили от результатов польского восстания 1830 г. Во время ноябрьского восстания 1830 г. город перешел под контроль

⁵⁸ Томаш-Юстин имел двух сыновей: Юстина (р. 1857) и Болеслава, а также дочь Анну (Дышлевская), которая воспитывалась в Мозыре. У Анны, согласно материалам музея, было трое детей: Елена Загадас, Иосиф-Юзеф и Евгений. Юстин Фомич (проживал в Варшаве в 1939 г.) имел, согласно тем же данным, а также материалам следственного дела, более чем многочисленное потомство, преимущественно дочерей: Вячеслава 1894 года рождения, муж Тешки Ежи, проживали в г. Радом, Янина (Подгорская, 1909 года рождения, учительница в Варшаве), Софья (Гилевич, министерство торговли), Ванда (Скибицкая, 1902 года рождения, чиновник министерства торговли в Варшаве), Галина (Лининдорф, муж Фаддей, владелец фабрики канцелярских принадлежностей), Альдона (Юрковская), сыновей – Фадей (Тадеуш) (майор польских войск, 1887 года рождения, Варшава), Вацлав (родился в 1905 г., уроженец города Бердичева, сын Войцех 1936 года рождения).

⁵⁹ Согласно материалам музея Ф. Э. Дзержинского в Дзержиново, известно о девяти его детях: т. ч. Иосиф-Бернард (1863–1910); Адам (1871–1932); Ева-Виктория (1872–1928); Антон (1874–1942); Ян-Альбин (1877–1958); Фелициан-Бонифатий (1878–1927). О деятельности одного из них, Адама Фелициановича Дзержинского (окончившего юридический факультет Киевского университета) на разных постах, в т. ч. на службе младшим жандармом на должности по судебному ведомству при Петроградской судебной палате, а далее в Петроградском Окружном суде и т. д., можно прочесть в его личном деле: ЦГИА СПб. Ф. 225. Оп. 1. Д. 14011. (Личное дело Дзержинского Адама Фелициановича, мирового судьи 1 участка Туккум-Тальсенского округа. 10. 04. 1916). Практически одновременно Адам будет служить жандармом, а его двоюродный брат Феликс вести революционную деятельность.

⁶⁰ Наиболее подробно биография Р. В. Малиновского разработана в монографии И. С. Розенталя «Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время». М., 1996. Согласно данным Розенталя, «Дед Малиновского был состоятельным человеком, тайным советником. За причастность к восстанию 1863 г. два его сына были сосланы в Иркутск. Третьего сына, отца Малиновского, тоже выслали – на Волгу, откуда он возвратился через семь лет и, так как имения, принадлежавшие семье, были конфискованы, поступил на службу управляющим чужим имением, затем был заведующим сахарным заводом в Блонском уезде Варшавской губернии, где и умер (подозревал отравление), оставив шестерых детей» //Указанное соч. С. 45.

⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 41; Указание на 15 января 1838 г., как на дату рождения Э. Дзержинского, у А. М. Плеханова не подкреплено отсылкой к конкретному документу //Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 19.

восставших жителей во главе с местным священником Ясинским, П. Важинским и полковником графом Карлом Пржездзецким. Общая численность сведенных в эскадроны и роты войск восставших составляла две с половиной тысячи человек. В 1831 г. восставшие были оттеснены Горским казачьим полком полковника П. С. Верзилина к Налибокской пушце⁶² и 2 апреля разгромлены. Вскоре отряд русских войск (по разным сведениям, от тысячи до полторы тысячи человек) занял и сжег город. В городе погибло много жителей, и он отстраивался впоследствии несколько лет.

Доходов с разоренного имения было мало для того, чтобы дать высшее образование всем сыновьям. Старшие дети так его и не получили. Только двое младших сыновей получают высшее образование: помимо отца Феликса Дзержинского – Эдмунда-Руфина, его получает Фелициан-Иосиф. Согласно книге С. В. Дзержинской, Фелициан был известным юристом, закончившим Петербургский университет⁶³. Хотя приведенные данные племянницы Феликса Дзержинского об учебном заведении, которое закончил Фелициан, противоречивы, другие источники говорят о его медицинском образовании и дальнейшей врачебной деятельности. В ряде работ только упоминают полученное им высшее образование⁶⁴. В материалах же ЦГИА СПб документов о прохождении им учебы в стенах СПбГУ нет. Правда, есть указание о намерении Антония-Николая в 1861 г. быть вольнослушателем одного из российских вузов. Однако получить старшему брату высшее образование так и не удалось, т. к. он умер в 1865 г.⁶⁵

Отцу Феликса в чем-то повезло: он был поздним ребенком, и к моменту начала его образования братья Эдмунда-Руфина уже были более-менее устроены. Ему могли уделить больше внимания и, отчасти, средств семьи. Однако даже в этом случае образование Эдмунда-Руфина еще с ранних лет шло в большей степени за счет благотворительности. Доходов с имения было явно недостаточно для получения им даже гимназического образования. Как сумбурно писал позднее в прошении ректору Санкт-Петербургского университета в ноябре 1859 г. Дзержинский-старший: «не имея состоятельных родственников, я был принят со второго класса и с третьего был принят стипендиатом Белостокской гимназии. Окончив гимназию, я всеми силами старался поступить в Университет, но не было решительно никаких средств, однако надеясь иметь частные уроки в Санкт-Петербурге или поступить в число стипендиатов Виленского учебного округа, я получил у своих знакомых 80 руб. для проезда из г. Белостока в Санкт-Петербург, но в Санкт-Петербурге надежды мои не исполнились...»⁶⁶.

Таким образом, университетское образование Эдмунда Дзержинского с самого начала сопровождалось финансовыми проблемами. Однако престижность Санкт-Петербургского университета, надежда после его окончания получить должность и материально себя обеспечивать, давала основание представителю бедного шляхетского рода мечтать об изменении ситуации. Эдмунд-Руфин поступил в Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет. Известно, что Санкт-Петербургский университет являлся тогда центром российской физико-математической науки, и среди его преподавателей было много выдающихся ученых. Так, в период обучения Эдмунда-Руфина в нем на физико-математическом факультете

⁶² Налибокская пушта, Налибокские леса, лесной массив в бассейне правых притоков рек Неман, Березина и Уса до Ошмянских гряд на севере и Минской возвышенности на востоке. Площадь 140 тыс. га. Занимает восточную окраину Верхненеманской равнины. Рельеф волнистый с дюнно и моренно-бугристыми формами и заболоченными понижениями. На юге массива оз. Кромань. Наиболее заболочена по долинам рек Березина, Исloch, Волка и в нижнем течении Усы, где на торфяно-болотных почвах растут ольшаники и березняки. В центральной и восточной частях преобладают сосняки. Встречаются еловые дубравы. По юго-западной части Налибокской пушты проходит северная граница сплошного распространения граба //Туристская энциклопедия Беларуси. Минск, Беларуская Энцыклапедыя, 2007. С. 648.

⁶³ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 25.

⁶⁴ В книге «Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография /Редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. На с. 8 есть только указание на полученное высшее образование, без детализации.

⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 36.

⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 30.

преподавали крупнейший математик Пафнутий Львович Чебышев (1821–1894) и ряд других выдающихся ученых и лекторов. Именно Чебышеву будет представлена позднее и одобрена им диссертация об интегралах Э. Дзержинского⁶⁷.

В личном студенческом деле Дзержинского, помимо данных об учебе в университете, содержится и переписка о дворянском происхождении его рода, которое потребовали от него в университете. Данное обстоятельство неслучайно, так как после восстания 1830–1831 гг. многие польские шляхетские фамилии были «выведены» из списков российского дворянства. Поэтому определение Минского дворянского собрания от 18 июня 1829 г. не считалось достаточным для современного тому времени статуса фамилии. Тем не менее, с помощью многочисленных свидетельств, Эдмунду-Руфину удалось подтвердить свое дворянство университетскому руководству. Уже в период прохождения учебы на старших курсах университета дворянское происхождение фамилии Дзержинских было также подтверждено определением Минского дворянского собрания 7 октября 1861 г. В личном деле Дзержинского содержится копия определения о дворянском происхождении⁶⁸.

Постоянное бедственное материальное положение студента Эдмунда Дзержинского сопровождалось болезнями, которые объяснялись хроническим недоеданием. Университетский врач в мае 1859 г. констатировал у него наличие, несмотря на лечение, хронического катара легких. К врачебному заключению было прикреплено и прошение на имя ректора о денежной помощи для поправления расстроенного здоровья на каникулах. Ректор выступил за оказание помощи в размере 50 рублей, однако попечитель университета не согласился, «не увидев причин», и отказал в помощи⁶⁹.

Неоднократны в личном деле студента Э. Дзержинского были указания и на более поздние болезни, в том числе ставшие причиной пропусков экзаменов. Так, осенью 1861 г. он болел воспалением горла и миндалин⁷⁰, а в мае 1862 г. он заболел вновь. Причем Эдмунд Дзержинский, пропустив экзамен по физике, был вынужден даже отчислиться и впоследствии восстанавливаться в университет⁷¹.

Сложным был вопрос и о его трудоустройстве после окончания физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Отчасти это определялось его неблагонадежным «польским статусом» после польского восстания 1863–1864 г.⁷² Все лица польской национальности находились под подозрением, в том числе и Эдмунд-Руфин Дзержинский. Достаточно упомянуть, что один из представителей рода Дзержинских, дворянин Минской губернии Герасим Дзержинский был лишен прав на жительство и сослан в Сибирь, с 1868 г. он находился в западносибирской ссылке, в Томской губернии⁷³. Можно упомянуть представителей и других польских родов, так или иначе, родственно связанных с Дзержинскими, например Озембловских: Озембловский Виктор – участник Польского восстания, дворянин Минского уезда Минской губернии. В 1864 г. он был по суду лишен прав состояния как политический преступник, а его имущество конфисковано в казну. Озембловский Онуфрий – уроженец Минской губернии, дворянин, участник Польского восстания, сосланный в Вятскую губернию с декабря 1866 по

⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 81.

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 9.

⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 19–22.

⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 41.

⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 48.

⁷² Военная кампания закончилась 1 мая 1864 г., мелкие стычки продолжались до начала 1865 г. Из 50 тыс. повстанцев погибло около 20 тысяч, сдалось в плен 15 тысяч, бежало за границу около 7 тысяч, казнено около 400 человек.

⁷³ Дзержинский Герасим, дворянин Минской губернии, 25 лет на 1868 г., когда он находился в ссылке в Томском округе. По материалам диссертации С. А. Мулиной «Участники польского восстания 1863 г. в западносибирской ссылке», Омск, 2005. В семье Дзержинских был Еразм Дзержинский, сын Игнатия Дзержинского, двоюродный брат отца Феликса (правда, по материалам музея в Дзержиново, возможно, ошибочным, он родился в 1838 г., а не в 1843 г.).

август 1871 за «пристанодержательство» укрывшихся преступников⁷⁴. По указу 1871.05.13/17 он был освобожден от надзора полиции с ограничением места проживания и воспрещением вступать в государственную и общественную службу. Озембловский Сигизмунд (1863) – участник польского восстания. Дворянин Виленского уезда, родители его имели в Вильно два дома. В 1864 г., как политический преступник, по суду лишен прав состояния, а его имущество конфисковано в казну. Общее же количество сосланных поляков составляло в тот период тысячи человек, и те, кто оставался на свободе, были тоже под подозрением.

Свою роль сыграли и проблемы со здоровьем и опять-таки материальное положение Эдмунда Дзержинского. В университетском фонде Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, помимо студенческого дела Эдмунда Дзержинского, хранится отдельное дело о взыскании материальных средств с выпускника университета Э. Дзержинского как должника уже по окончании университета. Эти денежные средства были вытребованы университетом только спустя несколько лет после долгой переписки и настойчивых требований⁷⁵. При соблюдении «буквы закона» не было учтено крайне тяжелое положение выпускника. Так, попечитель Виленского учебного округа в январе 1864 г. указывал, что «Дзержинский находится в крайне стеснительном положении, которое тем более для него тяжело, что при скудости средств должен еще тратиться на лечение от серьезной и в довольно сильной степени развивающейся болезни – чахотки»⁷⁶.

Первые попытки устроиться на службу университетского выпускника были неудачны. В западных губерниях Эдмунду Дзержинскому не давали работы как поляку (хотя предварительная заявка на него была). Так, им были получены отказы в получении обещанной вакансии в Виленском (октябрь), а затем и Санкт-Петербургском учебном округе (декабрь)⁷⁷. Предложенная ранее университетом вакансия старшего учителя в Вологодской гимназии пропала во время месячных странствий Дзержинского между Вильно и Санкт-Петербургом⁷⁸. Имеющиеся вакансии в других округах также мало подходили. Так, Э. Дзержинскому предложили место старшего учителя в Архангельской губернии. Но сами предложившие признавали, что «... Дзержинский по состоянию грудных органов и суровости северного климата, не может быть без явной опасности для жизни определен в Архангельскую губернию»⁷⁹. При этом сам Дзержинский предпринимал все новые и новые попытки поиска вакансий. Так, он рассматривал возможность устройства в Вятскую гимназию, специально обратившись для этого в Казанский учебный округ. Для подтверждения своей квалификации он даже успешно прочел затребованную попечителем округа специальную лекцию в Санкт-Петербургском университете, но и здесь ничего не получилось, вакансия так и осталась вакансией⁸⁰. После долгих мытарств, после пяти неудачных попыток, Дзержинский безрезультатно возвращается в Вильно.

Преподавательской работы, и в целом работы по специальности, он и здесь не нашел, что было вполне объяснимо. Ситуация с трудоустройством в Прибалтийских губерниях и Польше была еще более сложная, чем в Санкт-Петербурге. За участие в польском восстании 1863–1864 гг. попечитель Виленского учебного округа в 1864–1868 гг. И. П. Корнилов в первый год своей деятельности на новом посту уволил практически всех учителей-поляков и католиков, правда, выплатив им жалование за год. Можно упомянуть и циркуляр от 1 января 1864 г.

⁷⁴ Луппов П. Н. Политические ссыльные в Вятской губернии в 1825–1905 гг. Киров, 1947.

⁷⁵ ЦГИА СПб. Ф. 39. Оп. 1. Д. 6163.

⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836. Л. 86 об.

⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836. Л. 74 об. Л. 77.

⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836. Л. 86.

⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 6163. Л. 11 (об).

⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 6163. Л. 14–15.

генерал-губернатора М. Н. Муравьева, который предписывал руководству уездов, полиции и мировым посредникам наблюдать за случаями «неразрешенного обучения»⁸¹.

Однако Эдмунд-Руфин смог все же вскоре устроиться домашним учителем к дочери известного профессора Петербургского железнодорожного института Игнатия (Игнация) Семеновича Янушевского (1804–1875). О самом И. С. Янушевском, будущем тесте Эдмунда Дзержинского, в многочисленных биографиях Ф. Э. Дзержинского упоминается достаточно кратко, указывается только его происхождение из древнего польского рода и биография инженера-путейца. Между тем, И. С. Янушевский заслуживает более пристального внимания. Так, нуждается в доработке его ранняя биография. Сначала отметим близкое родство Янушевских с семьей известного польского национального поэта Юлиуша Словацкого, матерью которого была Саломея Янушевская. При этом в польских исследованиях по генеалогии часто указывается, что С. Янушевская имела польско-армянские корни. Отметим здесь также более поздний интересный факт из разряда шуток истории. 18 ноября 1989 г. в Варшаве произошел снос памятника Ф. Э. Дзержинскому на Банковской площади (установлен был в 1951 г.). В 2001 г. на его месте был воздвигнут памятник Юлиушу Словацкому. Предок сменил потомка, о чем не подозревали участники событий.

Родившийся в Вильно в 1804 г., И. С. Янушевский позднее поступил в Виленский университет. В период обучения он не остался в стороне от популярной среди студентов университета идеи национального возрождения и освобождения. В общем именном списке принадлежавших к тайному обществу филаретов (от греческого «любящий добродетель»), который был составлен Следственной Комиссией 13 мая 1824 г., упомянут Игнатий Янушевский – участник общества филаретов, кандидат философии, 20 лет, из города Вильна, за которым не числилось никакого имения⁸². Данное патриотическое объединение студентов, существовавшее в Виленском университете в 1820–1823 годах, было дочерней организацией общества Филоматов, и, как и вышестоящая организация, ставила национально-освободительные и просветительские цели. Обе организации были раскрыты и 108 участников были преданы суду. Осенью 1824 г. 20 из них были приговорены либо к различным срокам тюремного заключения с последующей ссылкой, либо высланы вглубь России, как наиболее известный филомат, национальный польский поэт Адам Мицкевич.

И. С. Янушевскому удалось избежать судебного процесса, поступив в Петербургский железнодорожный институт. Он закончил его в 1828 г., причем первым по списку, и к концу 1850-х гг. числился преподавателем этого института в чине подполковника⁸³. В музее Петербургского Государственного университета путей сообщений в зале № 2 до сих пор, среди других портретов ученых-выпускников, заложивших основы транспортной науки и техники, хранится его портрет. Маститый профессор, он был специалистом по вопросам коммуникаций, другом и соратником известного строителя мостов инженера Станислава Валерьяновича Кербедза⁸⁴. Хорошие отношения у него были и с другими выпускниками железнодорожного института, что не удивительно, особенно учитывая тот факт, что треть инженеров строителей и железнодорожных инженеров Российской империи второй половины XIX века были выход-

⁸¹ Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа, преимущественно в Муравьевскую эпоху. СПб., 1901.

⁸² История Вильнюсского университета. 1579–1979. Вильнюс: Мокслас, 1979. С. 104. К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819–1823 гг. Варшава, 1898.

⁸³ Соколовский Е. 50-летие института и корпуса инженеров путей сообщения. СПб., 1859. С. 77.

⁸⁴ Кербедз С. В. (1810–1899) – выпускник института корпуса инженеров сообщений 1831 г. С 1842 г. преподаватель этого вуза, с 1851 г. член-корреспондент, с 1858 г. почетный член Петербургской Академии наук. Построил Благовещенский мост (Николаевский, позднее Лейтенанта Шмидта) в Санкт-Петербурге, железнодорожный мост через реку Лугу, автор проекта Морского канала в Кронштадте, Александровского моста через Вислу в Варшаве и т. д.

цами с польских территорий, преимущественно поляками. Помимо Игнатия Янушевского, известными инженерами-транспортниками были также двое его сыновей⁸⁵.

Впрочем, его биография не ограничивается железнодорожным институтом. Ранее И. С. Янушевский в 1837–1838 гг. преподавал теоретическую механику в Институте корпуса Горных инженеров (с 1866 г. – Горный институт)⁸⁶. Он был членом первого в России общества любителей шахматной игры, созданного в Санкт-Петербурге в 1837 г. А. Д. Петровым. Сложно сказать, насколько были близки эти два профессора, хотя отметим, что до своего переезда в Варшаву в 1840 г. А. Д. Петров преподавал машиностроение в Санкт-Петербургском университете.

Игнатий Янушевский, сам происходивший из известного польского рода, был женат на Казимире Забельской (1806–1897) из еще более древнего и знаменитого польского дворянского рода, один из представителей которого попал под конфискацию маетка (имения) за поддержку короля Станислава Лещинского, а сын его был участником Барской конфедерации в XVIII веке.

Поэтому семья Янушевских, проживавшая в Вильно, сочувственно отнеслась к молодому выпускнику университета, так как члены их рода также участвовали в польском восстании, как со стороны Янушевских (не менее 5 представителей фамилии), так и со стороны Забельских. Очевидно, что Янушевские не просто сочувствовали идее польского возрождения – это было у них в крови.

В семье Игнатия и Казимиры Янушевских было несколько дочерей, одна из них Софья Игнатьевна (умерла 28 января 1898 г. в Вильно) вышла замуж за барона Станислава Михаила Пилляр фон Пильхау⁸⁷. По некоторым, неподтвержденным, данным, Софья Игнатьевна Пилляр фон Пильхау была фрейлиной последней русской императрицы и пользовалась в Петербурге немалым влиянием⁸⁸.

Вторая, Эмилия Янушевская (родилась в 1834 г.), вышла замуж за Феликса Юзефовича Завадского (1824–1891)⁸⁹. От этого брака родилось позднее двое детей: Ядвига (1870? – 1956) и Феликс (1873–1943). От второго брака Феликса Юзефовича Завадского родилось еще трое детей: Владислав (1885–1939), Анна (1887–1902) и Адам (1891–1975). Здесь необходимо остановиться на представителях этой известной польской семьи, сыгравших большую роль как в истории литовской и польской культуры, так и в семейной истории Янушевских-Дзержинских. Выходец из Западной Польши Юзеф Завадский (польск. Józef Zawadzki, 1781, Познань, 1838), обосновался в Вильно в 1803 г., открыв здесь типографию. В 1805 г. к нему перешла типография Виленского университета, которую он соединил со своей типографией, учредив крупнейшее книжное издательство не только в Вильно, но и на «польских территориях» в целом (с филиалом в Варшаве). Необходимые для типографии современное оборудование, различные шрифты, а также деньги на наем хороших специалистов предоставил князь Адам Чарторыйский Казимир (1734–1823), известный покровитель науки и культуры, обеспечив подходящий кредит. Среди книг, изданных в типографии Завадского, были произведения Адама Мицкевича, труды Иоахима Лелевеля, а также газеты, журналы, календари. Отметим, что Юзеф Завадский состоял в масонской ложе «Усердный литвин». Позднее он будет похоронен на клад-

⁸⁵ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография / редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 9; *Дзержинская С. В.* Героическая молодость. М., 1977. С. 26.

⁸⁶ Директора, командиры и инспектора за 150 лет. Прежние профессора и преподаватели кафедральных предметов за 150 лет. Прежние преподаватели за 150 лет // *Горный журнал*. 1923. №. 11. С. 734–740.

⁸⁷ Родился 18 ноября 1827 г. в Вильно, владелиц 74 душ в Мискуне. Его внук, сын родившегося в 1860 году Александра Пилляр фон Пильхау и Helena Joanna Krzywies (поженились в 1890, умерла 1955) – известный чекист Роман (Ромуальд) Александрович Пилляр (1894–1937) – комиссар государственной безопасности (1935). Закончил 2 курса юридического факультета Петербургского университета. Также известна сестра Романа – Марианна.

⁸⁸ *Бушков А. А.* Сталин. Красный монарх. СПб., 2004. С. 144.

⁸⁹ *Adam Broż.* Księgarska rodzina Zawadzkich <http://naszczas2002.tripod.com/032/zawadz.html>

бище Святых Петра и Павла на Антоколе в Вильне (ныне кладбище Саулес, Антакальнис). На могиле поставлен классический обелиск из розового гранита, увенчанный небольшим белым мраморным акротерием. После его смерти типографией управляли его наследники: сначала старший сын Адам Завадский (1814–1875), затем младший Феликс Завадский, позднее внуки, которые управляли ею до 1939 г.⁹⁰ Отметим, что сам Ф. Ю. Завадский за издание несогласованного произведения был вынужден на несколько лет отправиться в изгнание за пределы Российской империи.

Третья сестра, Мария Игнатьевна Янушевская, вышла замуж за Юлиана Гразевича (Grazewicz)⁹¹. В этой семье также были участники польского восстания 1863 года. В семье Янушевских были и старшие братья, но о них практически ничего неизвестно, кроме уже упоминавшегося инженерно-железнодорожного образования.

Четвертая, младшая из сестер, Елена Игнатьевна Янушевская, вышла замуж за Эдмунда-Руфина Дзержинского. Она родилась в имении Йода в 1849 г. и к моменту знакомства с будущим мужем проходила домашнее обучение. Елена Игнатьевна Янушевская, будущая жена Эдмунда-Руфина Дзержинского, рассказывала об обстоятельствах прихода будущего мужа следующим образом: «В наш дом Эдмунд привел старый еврей-сапожник, шивший обувь для нашей семьи. Эдмунд случайно повстречался с ним на улице, когда после окончания Петербургского университета приехал в Вильно искать работу. Вакансий в виленских гимназиях не оказалось, и Эдмунд не знал, что же делать дальше»⁹². Несколько иную, на наш взгляд спорную, но зато более романтическую версию излагает племянница Феликса Дзержинского С. В. Дзержинская, говоря о знакомстве родителей Феликса во время университетской учебы Эдмунда-Руфина еще в Санкт-Петербурге, где в городской гимназии училась Елена Янушевская. В виленский же дом Янушевских его пригласила мать Елены – Казимира Янушевская, для преподавания высшей математики дочери⁹³.

Молодой пятнадцатилетней Елене сразу понравился новый учитель. У Эдмунда-Руфина вскоре проявились и ответные чувства. Елена была девушкой, получившей хорошее образование, знавшей несколько иностранных языков и хорошо музицирующей. Именно от матери Феликс Дзержинский унаследует впоследствии любовь к музыке. Прекрасно знала Елена и польскую литературу, особенно Адама Мицкевича и Юлиуша Словацкого, что было не случайно, учитывая круг общения Янушевских и их родственные связи. Отличалась она и очень красивой внешностью: стройная полька с точеным гордым лицом, нежным румянцем и с соболиными бровями⁹⁴. Когда Елене Янушевской исполнилось 16 лет, она и Эдмунд-Руфин Дзержинский поженились. Тесть стал искать для зятя место преподавателя.

Реформа образовательных учреждений 1863–1864 гг. непосредственно сказалась на судьбе семьи Дзержинских в лучшую сторону. В России согласно реформе создавалась сеть новых гимназий с измененной программой. Если ранее в программу обучения входили такие предметы, как Закон Божий, всеобщая история, история Государства Российского, российская словесность, один из древних языков – греческий или латинский, а из современных – французский и немецкий, то с 1864 г. решением Министерства просвещения программа естественных наук была расширена. В гимназиях теперь стали проходили математику, физику, химию, зоологию, географию. Впоследствии в курс обучения ввели даже философию. В результате в гимназиях, особенно провинциальных, возник дефицит преподавателей естественных наук. В

⁹⁰ Был и третий брат: Иосиф Иосифович (1818–1886). Он уехал в Киев, где занимал видное положение в польской городской общине. В 1860–1863 гг. И. И. Завадский исполнял обязанности городского головы. Как и его отец и братья, он посвятил себя издательскому делу, более 30 лет руководя взятой в аренду типографией Киевского университета Св. Владимира.

⁹¹ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 53.

⁹² Тишков А. Дзержинский. 4-е издание. М., 1985. С. 12.

⁹³ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 26.

⁹⁴ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 26–27.

этих условиях Эдмунд-Руфин Дзержинский, выпускник Петербургского университета, пусть и польской национальности, получил возможность занять вакансию преподавателя естественных наук в одной из гимназий.

Весной 1864 г. Эдмунд-Руфин Дзержинский вместе с женой приезжает в Херсон⁹⁵. В город он прибыл с намерением устроиться на работу учителем в открывающуюся новую мужскую гимназию (сейчас – гимназия № 20). Директор гимназии действительный статский советник Захар Васильевич Коленко дал согласие на работу Дзержинскому, т. к. в Херсоне найти учителей по естественным предметам в первый год их введения было крайне проблематично.

День открытия мужской гимназии 1 сентября 1864 года стал городским праздником. После освящения гимназии викарием Сафронием с торжественными речами выступили: инспектор казенных училищ, действительный статский советник князь Василий Дмитриевич Дабижа, губернатор Херсонской губернии с 1861 по 1868 г. Павел Михайлович Клушин⁹⁶, учитель Смирнов, гимназист выпускного класса Тоназевич. Среди присутствующих на торжественном открытии гимназии преподавателей гимназии был учитель математики и физики Эдмунд-Руфин Иосифович Дзержинский. Скорее всего, именно благодаря протекции губернатора Клушина, товарища по институту его тестя Игнатия Янушевского, Эдмунд-Руфин получил вакантное учительское место в гимназии. Отметим еще один интересный момент: в Одессе и Херсоне в этот период жили и родственники четы Дзержинских-Янушевских по линии Пилляр фон Пильхау, занимавшие там важные посты.

В целом начальство херсонской гимназии было довольно компетентным и инициативным преподавателем. Однако вскоре последовал циркуляр жандармского управления «Об установлении полицейского надзора за выходцами из Польши, которые пребывают в Херсонской губернии». Первоначально это, возможно, не играло определяющей роли, учитывая губернаторскую поддержку сверху. Отметим, что есть и иные, возможно менее вероятные, первоначально смягчающие циркуляр обстоятельства: в Херсонской губернии в Одессе в этот период проходил службу штаб-офицер 5 корпуса жандармов, адъютант подполковника Василия Алексеевича фон Роткирха – капитан Федор Яковлевич Янушевский⁹⁷. Причем более важной в этом аспекте представляется именно личность его начальника – В.А. фон Роткирха, занимавшего этот пост в 1865–1867 гг. и скорее всего, оказывавшего также некоторое смягчающее покровительство новоявленному херсонскому поляку, учитывая свою известную пристрастность к польско-литовской литературе⁹⁸.

⁹⁵ Во многих работах Херсонский период выпадает из истории Дзержинских. Так, про Херсон не упоминают такие современные исследователи, как С. Кредов, С. Фролов, А. Плеханов и другие. Они ошибочно сразу упоминают Таганрог, пропуская Херсон.

⁹⁶ Первый почетный гражданин Херсона, получил образование в Институте корпуса путей сообщения, выпускник 1830 г.

⁹⁷ Адрес-календарь Херсонской губернии на 1866 год.

⁹⁸ Василий Алексеевич фон Роткирх (1819–1891, Вильно), жандармский офицер и писатель. Дебютировал анонимно, издав в Варшаве сборник «Страшный гость. Литовская поэма, взятая из народных поверий» (1844). Его составили перевод IV части драматической поэмы Адама Мицкевича «Дзяды» (первый перевод из поэмы запрещенного автора), собственные стихотворения, переводы и перепевы польских поэтов Игнация Красицкого и Юзефа Игнация Крашевского. С 1861 г. вице-директор Особой канцелярии по делам военного положения в Варшаве, играл важную роль в подавлении польского восстания 1863 г. 10 декабря 1863 г. едва не был убит на Краковском предместье в Варшаве при нападении на него нескольких злоумышленников, причем был ранен в голову и в грудь отравленным кинжалом. В 1864 г. назначается дежурным штаб-офицером управления III округа корпуса жандармов в Варшаве. В 1864 г. был переведен на службу дежурным штаб-офицером Управления III Округа Корпуса жандармов в Варшаве, в 1865 г. прикомандирован к Штабу Корпуса жандармов, а затем – командирован жандармским штаб-офицером в Одессу и произведен в подполковники. 9 мая 1867 г. Роткирх получил назначение Губернского Жандармского Управления в Могилев начальником, занимая в дальнейшем последовательно должности Начальника Управления Митаво-Риго-Орловской железной дороги (с 1868 до 1873 г.), начальника Минского Жандармского Полицейского Управления железных дорог (с апреля 1873 г.) и Виленского Губернского Жандармского Управления (с 1882 г.). В 1885 г. он был произведен в генерал-майоры, а в 1890 г. вышел в отставку с чином генерал-лейтенанта. Ряд работ Роткирха вышли в виленских типографиях, в т. ч. Завадских.

Тем не менее, постепенно пребывание Дзержинского в Херсоне становилось все более и более проблемным. Часто указывается, что на последующем отъезде из города сказался разгром херсонского кружка народников. Его руководитель, Соломон Лазаревич Чудновский (1849–1912), действительно был учеником Эдмунда-Руфина Дзержинского, окончив херсонскую гимназию в 1868 г. Впоследствии Чудновский поступил в Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге, откуда был исключен за студенческие беспорядки в марте 1869 г. Вернувшись в Херсон, он организовал ряд народнических кружков, продолжая участвовать в народническом движении. В дальнейшем он участник знаменитого процесса 193-х (по нему проходили участники «хождения в народ»), в конце жизни являлся членом партии кадетов. Однако хронологически найти эту связь проблематично.

Отметим, на наш взгляд, более важное событие: перевод в 1868 г. в Санкт-Петербург возможного покровителя Эдвина-Руфина Дзержинского, херсонского губернатора П. М. Клушина, назначенного в этом году в Сенат. Незадолго до этого состоялся и переезд В. А. Роткирха в Могилев. В результате этих событий в 1868 г. Дзержинский переводится в Таганрог, где начинает работать учителем физики и математики в местной Мариинской женской гимназии (1868–1873). Это был вынужденный перевод, с явным понижением доходов. Очевидно, что других вариантов у Дзержинского не было.

В год прихода Дзержинского данная гимназия получает почетное наименование «Мариинской». Вместе с тем положение гимназии в этот период в материальном отношении сложно было назвать даже удовлетворительным. Здание было темным, тесным и малопригодным для обучения (новое здание будет возведено лишь в 1875 г.). Не хватало даже денежных средств для выплаты жалования учителям. «Вообще же, нужно заметить, что средства женской гимназии были скудные, некоторые преподаватели давали уроки бесплатно... Жалование преподаватели и классные дамы получали такое жалкое, что замещать места оказалось очень трудно; ввиду этого Попечительский совет постоянно заботился об усилении средств гимназии, в чем понемногу успевал, чему, конечно, способствовало увеличение числа учениц»⁹⁹.

На второй год преподавания в гимназии Дзержинский получил звание надворного советника (гражданский чин VII класса в Табеле о рангах, соответствовал чинам подполковника в армии и капитана II ранга на флоте), а в последний год работы был награжден орденом Святой Анны III степени. Статут ордена, помимо всего прочего, обозначал 90 или 100 руб. ежегодной пенсии.

Еще большими событиями, чем государственные награды, для Дзержинского стали рождения трех погодков детей (Витольд, первенец молодых супругов, умер в годовалом возрасте в 1868 г.): в 1870 г. в Йодах, имении Казимиры Янушевской (мать Елены Дзержинской), родилась старшая сестра Альдона, в 1871 г. – Ядвига. 6 октября 1872 г. в Таганроге родился Станислав-Карл Дзержинский¹⁰⁰. К этому моменту уже умерли родители Эдмунда-Иосифа: отец Иосиф-Иван умер в 1865 г., а мать – Антонина, умерла в 1869 г. Умерли к этому времени и несколько его старших братьев. Имение ОземблOVO-Дзержиново, таким образом, вскоре перешло во владение к Эдмунду-Руфину Дзержинскому.

С осени 1873 г., здесь же в Таганроге, Дзержинский начинает преподавать в Александровской мужской гимназии. Это было старейшее учебное заведение Юга России, учрежденное еще 1 сентября 1806 г. Возможность преподавания в престижной и выгодной в финансовом положении гимназии появилась с приходом в 1873 г. на ее директорский пост Эдмунда Рудольфовича фон Рейтлингера (1830–1903)¹⁰¹. Отметим, что на службу в Таганрог он был отправлен из уездного города Мозырь Минской губернии. Он был утвержден директором гим-

⁹⁹ Филевский П. П. История города Таганрога. М., 1898. С. 304.

¹⁰⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 29453 (Дзержинский Карл Эдмундович). Л. 2 (об).

¹⁰¹ Филевский П. П. История города Таганрога. М., 1898. С. 290.

назии распоряжением Министерства народного просвещения 21 июля 1873 г. и вскоре обновил преподавательский состав. Одним из новых учителей и стал его земляк и тезка Эдмунд-Руфин¹⁰².

Среди учеников в таганрогской мужской гимназии Дзержинского был будущий великий русский писатель Антон Чехов. В 1976 г. сотрудники литературного музея имени А. П. Чехова в Таганроге обнаружили школьную работу Чехова по математике за 1874/1875 г., на которой была надпись: «Весь ход совершенно верен, и рассуждение самое правильное... Отлично. Э. Дзержинский»¹⁰³. Вместе с тем, отметим, что впоследствии в аттестате зрелости Антона Чехова по этому предмету будет значиться «тройка» (окончит гимназию 15 июня 1879 г.). Впрочем, это не единственное пересечение писателя и Э. Дзержинского. Ровно через десять лет в мае 1884 г. А. П. Чехов напишет рассказ «Русский уголь (Правдивая история)». В рассказе одним из персонажей будет выведен управляющий имением графа Тулупова поляк Дзержинский, человек желчный, любитель играть в карты...

Помимо непосредственного преподавания своих предметов, вместе с учителем Абрамовичем Э. Дзержинский систематизировал всю гимназическую библиотеку, составив тематический и алфавитный каталог, а также список необходимой для гимназии литературы. «Свои предметы он излагал основательно и толково», – писал позднее Павел Петрович Филевский (1856–1951), также бывший ученик Дзержинского¹⁰⁴, ставший в дальнейшем известным таганрогским историком¹⁰⁵. Вместе с тем отметим и другую существующую в литературе характеристику Филевского, данную Эдмунду-Руфину Дзержинскому, в которой он указывал на «болезненность и крайнюю раздражительность» учителя.

19 апреля 1875 г. у супругов Дзержинских рождается пятый ребенок – Казимир. Но это радостное событие омрачается серьезной болезнью главы семьи. В 1875 г. у Эдмунда-Руфина обнаружили туберкулез, и он вынужден был уйти на пенсию¹⁰⁶.

По совету врачей он переехал в родовое имение Держиново Воложинской волости Ошмянского уезда Виленской губернии (сейчас – Столбцовский район Минской области). Имение было небольшое – 92 десятины песчаной земли, которая сдавалась в аренду за 42 рубля. Арендатором был пан Годель, детям которого в обучении помогал Э. Дзержинский. «Конечно, мизерная плата, но больше за Держиново не получить. Хорошо, что арендатор – человек порядочный, всегда внимателен, готов помочь больному Эдмунду», – уточняла позднее племянница Дзержинского¹⁰⁷. Получить больше за аренду пашни представлялось крайне затруднительным делом, прежде всего из-за качества пахотных земель. Как позднее указывал Станислав-Карл Дзержинский (старший брат Феликса Дзержинского): «Хотя после смерти его отца Эдмунда Осиповича Дзержинского осталось имение «Оземблово», в коем заключалось 77 десятин удобной пашни, но таковое имение почти не приносит никакого дохода, вследствие плохого качества почвы, поэтому оно отнесено по платежу земских повинностей к третьему разряду»¹⁰⁸. Небольшим дополнением имения была пасека, за качественным медом которой приезжали окрестные владельцы имений.

Эти средства и учительская пенсия составляли весь скромный семейный бюджет Дзержинских. Каких-либо иных приработков не было. Тем не менее, Эдмунд Иосифович бесплатно

¹⁰² Шапочка Е. Антошины учителя // Таганрогская правда. 2009. 13 ноября.

¹⁰³ Советская Белоруссия. Минск. 1976. 18 марта.

¹⁰⁴ Окончил таганрогскую гимназию в 1877 г., на два года ранее А. П. Чехова. Автор неоднократно переиздававшейся книги «История города Таганрога». М., 1898.

¹⁰⁵ Скорород А. Дзержинские в истории Херсонеса // Гривна. 2004. 4 марта. С. 13.

¹⁰⁶ Туберкулезом позднее болели и сыновья Эдмунда Дзержинского; помимо Феликса, со студенческих пор им болел его старший сын Станислав (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 29453 (Дзержинский Карл Эдмундович). Л. 62).

¹⁰⁷ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 25.

¹⁰⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 29453. Л. 22.

учил местных крестьянских детей грамоте, арифметике, физике. Старшая сестра Ф. Э. Дзержинского Альдона писала позднее в своих воспоминаниях: «Отец наш, преподававший с 1866 г. в мужской и женской гимназиях Таганрога физику и математику, уже не работал. Он был болен туберкулезом и последние годы жил в деревне, получая пенсию. Отец был справедливым человеком, и крестьяне соседних деревень, чтобы подтвердить достоверность чего-либо, говорили: «Так сказал Дзержинский». Они очень уважали его и часто приходили за советом и помощью. Отец им никогда не отказывал. Мы жили в маленьком старом домике на берегу реки Усы... Ближайшая деревня Петриловичи находилась в 4 километрах. До железной дороги было 50 километров»¹⁰⁹. Отношения с крестьянами действительно были хорошие. Хотя справедливости ради надо отметить, что в лесу имения Держжиново крестьянам не разрешали собирать грибы и хворост, о чем впоследствии со стыдом вспоминал Феликс Дзержинский¹¹⁰.

Сестра Ядвига схоже характеризовала жизнь в Держжиново: «Жизнь наших родителей была нелегкая. Большая семья – восьмеро детей – требовала забот и внимания. Семья жила на отцовскую пенсию. Хозяйство никакого дохода не приносило. Земли за небольшую плату сдавались в аренду (42 рубля в год). Отношения между родителями и окрестными крестьянами установились прекрасные. Отец, подготавливая нас в гимназию, вместе с нами бесплатно учил детей арендатора и детей из соседней деревни Петриловичи»¹¹¹.

Дом, в котором поселилась семья Держжинских, был небольшой, но он стоял в очень красивом месте на берегу стремительной реки Усы, притоке Немана. Рядом располагалась Налибокская пуца с густыми сосновыми лесами. Для семьи из 6 человек этот дом был тесен, тем более что вскоре после переезда в Держжиново семья увеличилась еще на трех детей. Сказывалась и сырость...

30 августа (11 сентября) 1877 г. у Елены и Эдмунда-Руфина Держжинских родился шестой ребенок. Роды начались преждевременно, после того как беременная женщина, вечером занимаясь хозяйством, неожиданно провалилась в открытый люк погреба и сильно ушиблась. Несмотря на опасения, преждевременные роды завершились благополучно и для новорожденного, и для роженицы. Отметим, что помимо удачного родоразрешения мальчик родился в «рубашечке», что также считалось и считается признаком счастливой судьбы. Единственно возможным последствием для ребенка стала определенная возбудимость и нервозность, а для матери всепоглощающая любовь, казалось бы, к уже потерянному сыну. Родившегося мальчика назвали Феликсом, что по латыни (*felix*) означает «счастливый, преуспевающий, плодородный». Во Франции это имя известно как Фелис, в Италии – Феличе. Получил Феликс Держжинский, как это было принято в их семье, и второе имя – Щастны.

Возможна, по нашему мнению, и иная версия происхождения имени Феликс – в честь уже упоминавшегося дяди, Феликса Иоозефовича Завадского, который оказывал финансовую помощь семье Держжинских. Отметим, что традиция давать имена детей в честь родственников явственно видна в этой семье. Старший сын четы Держжинских, Витольд (умерший в младенчестве), был назван в честь Витольда Забельского (родного брата Казимиры Янушевской), дяди Елены Держжинской. В свою очередь, в честь бабушки Казимиры Янушевский был назван Казимир Держжинский, родившийся в 1875 г., а в честь ее мужа Игнатия Янушевского – Игнатий Держжинский, родившийся в 1879 г. Станислав Держжинский был назван либо в честь Станислава Пилляр, мужа старшей из сестер Янушевских, либо в честь одного из братьев Игнатия Янушевского. Поэтому представляется, что имело место и падение в погреб со счастливым окончанием этого происшествия, и наименование в честь близкого родственника.

¹⁰⁹ Держжинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Держжинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 15.

¹¹⁰ Держжинская С. С. В годы великих боев. Изд-е 2-е, испр. и доп. М., 1975. С. 123.

¹¹¹ Держжинская Я. Э. Наш Феликс // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Держжинском. М., 1967. С. 107.

В ноябре 1877 г. Феликс Дзержинский был крещен по католическому обряду. В метрике Деревнинского римско-католического приходского костела на 54–55 листах, под № 196 была сделана следующая запись: «Тысяча восемьсот семьдесят седьмого года, ноября шестнадцатого дня в Деревнинском римско-католического приходского костела окрещен младенец по имени Феликс Киприаном Жебровским, администратором того же костела, с совершением всех обрядов таинства дворян: коллежского советника Эдмунд-Руфина Осиповича и Гелены, урожденной Янушевской, Дзержинскими, супругов сын, родившейся сего года, августа 30 дня в имении Держиново Деревнинского прихода. Восприемниками были дворяне Франц Вержбовский с Юзефью Войновою, вдовою»¹¹².

Интересна личность крестного отца Феликса Дзержинского – Франца Вержбовского. Скорее всего, это был известный виленский исследователь творчества польского национального поэта Адама Мицкевича¹¹³. В семье Янушевских изначально, а позднее и Дзержинских, был подлинный культ Мицкевича, и в целом польской поэзии.

На следующий год родилась младшая сестра Ванда, а в самом конце 1879 г. – Игнатий. Увеличение семьи потребовало срочного переезда в новый дом. В 1880 г. с помощью племянника – архитектора Юстина Дзержинского¹¹⁴, Эдмунд-Руфин на остаток своих сбережений построил на холме вблизи от старого дома новый, более просторный двухэтажный дом с мансардой¹¹⁵. Это было очень кстати, так как вскоре, в 1881 г., в семье появился еще один сын – Владислав.

Дом обошелся недорого, так как материалы были в основном свои, а рабочие крестьянские руки крайне дешевы. «Дом был теплый и просторный, с высокими потолками и широкими окнами. Пологие ступеньки вели на крыльцо с деревянной балюстрадой. Это крыльцо стало любимым местом игр детей и отдыха взрослых. Первой от входа была проходная комната, так называемая гостиная. Из нее несколько дверей – в столовую, в спальню Эдмунда и Елены, в детскую для малышей. В мансарде жили старшие дети. На большой террасе любил отдыхать Эдмунд Иосифович. Тут же Елена Игнатьевна сушила грибы и фрукты»¹¹⁶.

Как и прежний дом, он был расположен в очень красивом месте, неподалеку от старого, но на небольшой возвышенности. Как вспоминала Альдона: «Там не было ничего искусственного. Не было ни подстриженных аллей, ни посыпанных желтым песком дорожек, обычно отличавших помещичьи усадьбы. Дом наш был окружен деревьями и густорастущей зеленой травой, по которой дети с большим удовольствием бегали»¹¹⁷. «Во сне я часто вижу дом наш, и сосны наши, и горки белого песку, и канавы, и все, все, до мельчайших подробностей», – писал Феликс Дзержинский в письме брату из Московской пересыльной тюрьмы в 1916 г.¹¹⁸ Это была классическая польская дворянская усадьба с остекленной верандой, просторной столовой и гостиной с камином. Именно здесь прошло детство Феликса и его братьев и сестер.

Вместе с тем строительство дома лишь ненадолго решило проблемы многочисленной семьи. В 1882 г. на 43-м году жизни умер от туберкулеза легких Эдмунд-Руфин Дзержинский. Он был похоронен на кладбище в деревне Деревная Столбцовского района. На надгробной

¹¹² Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 19.

¹¹³ Вержбовский Ф. Адам Мицкевич в Вильне и Ковне (ib., 1888, кн. 9); Мицкевич в малороссийских переделках и переводах // Киевская старина. 1885. № 12.

¹¹⁴ Юстин Дзержинский (1857–1948), сын Томаша-Юстина Дзержинского. Вместе с братом Болеславом ранее воспитывался Эдмундом Дзержинским.

¹¹⁵ Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 9.

¹¹⁶ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 28.

¹¹⁷ Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 15.

¹¹⁸ Дзержинский Ф. Дневник. Письма к родным. М., 1958. С. 243.

плите его благодарными земляками была высечена надпись: «Покой праху Справедливого»¹¹⁹. Могила не сохранилась до наших дней, но самого Дзержинского-старшего еще долго по-хорошему вспоминали в ближайших деревнях. Сами же Дзержинские, в том числе Феликс, часто навещали могилу отца, украшая ее венками из цветов и дубовыми ветками¹²⁰.

На руках у молодой 32-летней вдовы осталось 8 детей: Альдона, Ядвига, Станислав, Казимир, Феликс, Ванда, Игнатий, Владислав. Старшей дочери было 12 лет, Феликсу 5 лет, а младшему из детей 1 год и 3 месяца.

Материальное положение семьи Дзержинских в этот период было довольно затруднительное. Усадьба практически не приносила доходов, пенсия отца была мала. Но выручали родственники. Небольшую, но регулярную денежную помощь, оказывала им мать Елены Игнатьевны – Казимира Янушевская, проживавшая после смерти мужа в усадьбе «Йоды» под Вильно. Сюда летом часто приезжала вся семья Дзержинских. Само имение было большим, с многочисленными слугами. Согласно воспоминаниям родных Дзержинского, молодого Феликса интересовало, почему бабушка ничего не делает, а старик-садовник с раннего утра работает в саду, почему местным крестьянам не разрешено собирать в лесу хворост и грибы и т. д.¹²¹ Позднее, уже в гимназический период, Дзержинский пробовал даже агитировать притесняемых крестьян. Но ему все это прощалось любящей бабушкой. Помимо денежной помощи и «приемов» в имении она взялась воспитывать Казимира и Игнатия¹²². Выбор был не случаен, так как они и раньше воспринимались ею как восприимчики (названы в честь бабушки и дедушки) особо.

Заботу о старших детях (Станиславе и Альдоне) взял Феликс Юзефович Завадский, муж старшей сестры Елены Дзержинской, который предоставлял квартиру и материальную помощь учащимся в виленских гимназиях старшим детям четы Дзержинских. Особенно он помогал Станиславу Дзержинскому, который учился в одном классе первой виленской мужской гимназии вместе с его сыном Феликсом (Фелиусом) Завадским. Окончат они ее вместе в 1892 г.

Старшая из сестер Альдона, учившаяся в виленской женской гимназии, приезжая в Держиново на летние каникулы, также старалась, чем могла, помочь маме, беря на себя времяпровождение младших братьев и сестер. Особенно сердечные отношения у нее были как раз с Феликсом Дзержинским, который обожал свою сестру. «Я сам помню из времен своего детства эти минуты невыносимого блаженства, когда, например, положив голову на колени Альдоны, я слушал по вечерам шум леса, кваканье лягушек, призывной крик дергача и смотрел на звезды, которые так мерцали, точно были живые искорки... Сейчас ко мне возвращаются воспоминания моего детства, минуты подлинного счастья, когда природа так меня поглощала, что я почти не чувствовал своего существа, а чувствовал себя частицей этой природы, связанной с ней органически, будто я сам был облаком, деревом, птицей»¹²³. Помогала с детьми, хотя и в гораздо меньшей степени, и вторая из старших сестер, Ядвига¹²⁴.

Основная же нагрузка выпала на мать Феликса Дзержинского – Елену Игнатьевну. Она много работала по дому, стараясь содержать детей в чистоте и порядке. Сама обшивала всю семью. «Мама в этой скромной обстановке умела создавать нормальные условия жизни и дать каждому ребенку все необходимое для его духовного развития... Оставшись без мужа, она

¹¹⁹ Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. 4-е изд., доп. Минск, 1982. С. 13.

¹²⁰ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 71.

¹²¹ Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 5.

¹²² Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 17.

¹²³ Дзержинский Ф. Дневник и письма. М., 1956. С. 157–158.

¹²⁴ Дзержинская Я. Э. Наш Феликс // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 107.

целыми днями была на ногах, работая по дому, и являлась примером трудолюбия для нас, детей»¹²⁵.

При этом Елена Дзержинская не забывала и о духовном воспитании детей. Она много читала своим детям, особенно стихи польских авторов, которые очень любила. Чаще всего – Мицкевича и Словацкого. «По вечерам она собирала детвору за круглым столом, и начинались душевные беседы, интересные игры, обсуждали события дня, читали стихи Адама Мицкевича, Юлиуша Словацкого, Марии Конопницкой, пели песни польских повстанцев», – писала в своей книге С. В. Дзержинская¹²⁶. У Феликса была хорошая память, поэтому в четыре года он уже декларировал наизусть отрывки из поэмы «Пан Тадеуш» Мицкевича, стихи Словацкого, рассказывал сказки и басни¹²⁷.

Рассказы Елены Дзержинской шли и о недавнем историческом прошлом, об участии и судьбах поляков и Польши в Российской империи. «Я помню вечера в нашей маленькой усадьбе, когда мать при свете лампы рассказывала, а за окном шумел лес, как она рассказывала о преследованиях униатов¹²⁸, о том, как в костелах заставляли петь молитвы по-русски на том основании, что эти католики были белорусами; помню ее рассказы о том, какие контрибуции налагались на население, каким образом оно подвергалось преследованиям, как его донимали налогами, и т. д. и т. п.»¹²⁹. Эти рассказы, а также сама обстановка семьи, пострадавшей от преследований российских властей, способствовали формированию в молодом Феликсе радикальных антироссийских, антирусских настроений. Позднее, в 1922 г. он вспоминал: «Будучи еще мальчиком, я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей»¹³⁰. Впрочем, подобные мечты переполняли многих поляков того времени.

Благодаря матери Феликс Дзержинский и его братья и сестры также познакомились и с лучшими произведениями польских композиторов – Ф. Шопена, М. Огинского, а также с музыкой Бетховена и других авторов. Не случайны поэтому слова Феликса Дзержинского о своей матери, или, как он ее любовно называл, «матусе»: «Я благословляю свою жизнь и чувствую в себе и нашу мать, и все человечество. Они дали мне силы стойко переносить все страдания. Мама наша бессмертна в нас, Она дала мне душу, вложила в нее любовь, расширила мое сердце и поселилась в нем навсегда»¹³¹.

Детство Феликса Дзержинского, несмотря на стесненность материальных средств в его семье, было наполнено теплом и светом. Спустя годы он вспоминал родное Держиново как время безмятежного счастья и единения с природой, наполненного многими летними забавами для детей разного возраста.

В походах в лес и на реку принимали участие не только представители семейства Дзержинских, но и крестьянские дети из Петриловичей. Житель этой деревни И. А. Трубиш впоследствии вспоминал, что Феликс любил играть с деревенскими сверстниками, купался с ними в реке, ловил рыбу, раков. Подравшись, никогда не жаловался родителям, вновь приходя к друзьям. «Бегал быстро, плавал здорово, нырял, любил печеную картошку»¹³².

¹²⁵ Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 17.

¹²⁶ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 37.

¹²⁷ Дзержинская Я. Э. Наш Феликс // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 22; Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 29.

¹²⁸ Литовская епархия Российской Православной Церкви была учреждена в 1839 году, когда в Полоцке на соборе униатских епископов Полоцкой и Витебской епархий было принято решение о воссоединении с православной церковью. Границы епархии включали Виленскую и Гродненскую губернии. Первым епископом Литовским стал бывший униатский епископ Иосиф (Семашко).

¹²⁹ Дзержинский Ф. Дневники и письма. М., 1956. С. 153–154.

¹³⁰ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 21.

¹³¹ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 27; Там же. С. 108.

¹³² Zubov H. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 5.

«Наши мальчики росли на свободе. Большую часть летнего дня они проводили у реки, купались, ловили рыбу. Нередки были случаи, когда кто-нибудь из них и тонул – в реке было много ключей, – тогда остальные братья бросались на помощь и сообща вытаскивали на берег. Любимым занятием Феликса была ловля и охота за раками. Мы всегда радовались, когда к ужину на столе появлялось блюдо с целой горой красных вареных раков. В такие дни Феликс был горд своими успехами и особенно доволен тем, что доставил удовольствие маме, очень любившей раков. Любил он также лесные походы за ягодами и грибами. В наших лесах их было очень много, и мы часто отправлялись туда веселой гурьбой. С наслаждением ели мы потом пироги с черникой, которую сами собирали», – вспоминала позднее его старшая сестра Альдона¹³³.

Пироги и пирожки с долгим сидением вечерами перед самоваром впоследствии часто вспоминал и сам Феликс Дзержинский в своих письмах к родным. Об этих пристрастиях Феликса помнили и его родные. Именно пирожки, желая побаловать брата, приготовит в далеком еще от этих детских лет 1919 г. в голодной Москве его сестра. Однако Дзержинский, узнав о происхождении муки, которая была куплена у спекулянтов, выбросит их в окно.

Чаще, чем пирогами, приходилось обходиться более обыденной и более дешевой в денежном отношении кашей. Характерен отрывок из воспоминаний младшего брата Игнатия: «Весело было нам во время еды. Единственно, бедный Феликс иногда был невеселый, видя перед собой нелюбимую им тарелку овсяной каши. А когда был уже взрослым, часто говорил, что единственная пища, которую он не любит, это овсяная каша»¹³⁴.

Дзержиново предоставляло детям много возможностей для мальчишеских забав. Как вспоминала Альдона: «С раннего детства Феликс любил ездить верхом. Но так как мама не позволяла малышам этого делать, то мальчики нередко ловили на лугу неоседланных лошадей и на них мчались вскачь куда-либо в лес, подальше от взоров взрослых. Это доставляло им огромное удовольствие. Феликс ни за что не хотел отставать от старших братьев, но если те кое-как справлялись со своими лошадьми, то 6–7-летний Феликс нередко оказывался на земле. Однако чувствовал он себя героем. Феликсу были присущи все детские проказы и шалости, но он никогда не совершал жестоких или грубых поступков»¹³⁵. Про езду на неоседланных лошадях арендатора писала и С. В. Дзержинская¹³⁶.

Схоже о порою опасных забавах вспоминал брат Игнатий: «...Любимым развлечением Феликса было также хождение на высоких ходулях. Это требовало смелости и ловкости, так как в нашу задачу часто входила ходьба на ходулях даже через корову!»¹³⁷. «Однажды он залез на крышу двухэтажного дома, но, чтобы поскорее вернуться вниз, решил спускаться с крыши по водосточной трубе. Труба была старая, с острыми закраинами. Когда он спускался, железо впивалось в его тело, Феликс разорвал в кровь ноги и руки, но, преодолевая боль, все же достиг земли»¹³⁸.

Как правило, в играх принимали участие все дети, при этом младшие Дзержинские тянулись к Феликсу, который был их вожаком. По воспоминаниям Альдоны, «в раннем возрасте он обычно играл с сестрой Вандой, которая всегда подчинялась его воле. Во всех играх с ней

¹³³ Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 16. Помимо раков, он часто приносил маме из леса большой букет лесных колокольчиков. // Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 30.

¹³⁴ Цит. по: Федоткина Т. Палач королевства любви // Московский комсомолец. 1998. 5 сент.

¹³⁵ Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 16.

¹³⁶ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 30.

¹³⁷ Цит. по: Федоткина Т. Палач королевства любви // Московский комсомолец. 1998. 5 сент.

¹³⁸ Овсенко Вл. Наставник юности // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 311.

и младшим братом Владиславом вожаком был Феликс»¹³⁹. Однако игры эти зачастую проходили без присмотра взрослых, и итогом одной из таких игр, уже позднее, в 1892 г., стала случайная смерть Ванды. Согласно наиболее распространенной версии, двое братьев – недавний выпускник виленской гимназии Станислав и Феликс взяли ружье и стали стрелять по мишени, но случайным выстрелом убили сестру. Считается, что ружье было в руках Станислава, хотя свидетелей не было¹⁴⁰.

В пользу виновности Станислава говорит его ярко выраженная увлеченность оружием и охотой, в отличие от юного Феликса. «Брат Станислав часто охотился на птиц и зверей. Наш Феликс не принимал участия в охоте, слишком любил он свободу этих лесных жителей. Наоборот, ловля белок и затем их выращивание составляло ему большое удовольствие», – вспоминал Игнатий Эдмундович Дзержинский¹⁴¹. Дальнейшая уединенность жизненного уклада Станислава также свидетельствует в пользу принятия этого варианта.

Но может быть и другая версия, ранее не приводившаяся в литературе, посвященной Феликсу Дзержинскому. Станислав, окончивший именно в 1892 году гимназию, стрелял не с Феликсом Дзержинским, а со своим двоюродным братом и однокашником по гимназии Феликсом Феликсовичем Завадским. Характерно, что с 1892 года ранее тесные связи двух семей резко ослабевают. Так или иначе, тема смерти Ванды не обсуждалась в семье. Сам Феликс никогда не упоминал об этой трагедии, как и Станислав...

Сестра Ядвига вспоминала: «Феликс рос упрямым, шаловливым ребенком. Но и в детстве его характерной чертой была необыкновенная честность»¹⁴². Об упрямстве упоминали и другие члены семьи¹⁴³. В. Сперанский (гимназический однокашник Феликса) вспоминал: «Казимир Дзержинский, старший брат неукротимого Феликса, добрый товарищ и усердный школьник, успевавший в науках весьма прилично, несмотря на отчаянное свое заикание, рассказывал мне, когда мы сидели рядом в третьем классе, что Феликс был с младенчества тем, кого французы зовут «фениксом» семьи. Казимир, впоследствии ставший ветеринарным врачом, без всякой родственной ревности говорил мне, что фавориту Феликсу безнаказанно сходили дома самые анархические проделки»¹⁴⁴.

Но, несмотря на все свои проказы и проделки, это был не только ранимый, но и отзывчивый ребенок, любящий свою семью. «Память о тех, кого любишь, особенно жива, она бежит к ним, и вновь оживают эти давние-давние годы, когда мы были вместе; сколько улыбок, любви окружало нашу юность и детство. Деревня, кругом леса, луга, поля, речка неподалеку, кваканье лягушек и клекот аистов. Вся эта тишина и прекрасная музыка природы по вечерам и утречком роса на траве, и вся наша разыгравшаяся кучка малышей, и звучный, далеко слышный голос мамы, созывающий нас из леса и реки домой, к столу, и этот наш круглый стол, самовар, и весь наш дом, и крыльцо, где мы собирались, и наши детские огорчения и заботы мамы... Все это навсегда, бесповоротно унесла жизнь, текущая безудержно вперед, но осталась память об этом, любовь и привязанность, и они будут жить в душе каждого из нас до самого заката нашей жизни. И все эти улыбки и сияния, слезы и печаль, совместно прожитые когда-то нами, живут в душе и доставляют радость даже тогда, когда сам человек этого не осознает. Человеческая душа, как цветок, бессознательно поглощает лучи солнца и вечно тоскует по нему, по его свету; она увядает и коверкается, когда зло заслоняет этот свет. В этом стремлении каж-

¹³⁹ Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 16.

¹⁴⁰ Не железный Феликс (Интервью с Ф. Я. Дзержинским) // Экспресс-газета. 2007. 23 нояб.

¹⁴¹ Цит. по: Федоткина Т. Палач королевства любви // Московский комсомолец. 1998. 5 сент.

¹⁴² Дзержинская Я. Э. Наш Феликс // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 22.

¹⁴³ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 33.

¹⁴⁴ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте // Русская жизнь. 2009. 29 янв.

дой человеческой души к солнечному свету и зиждется наша бодрость, вера в лучшее будущее человечества, и поэтому никогда не должно быть безнадежности...» – писал сестре Альдоне много лет спустя Феликс Дзержинский¹⁴⁵.

Это были счастливые годы для него, особенно по сравнению с тем, что ожидало его впереди. Уже позднее, в 1916 г., в письме из тюрьмы к своему брату Владиславу, он напишет: «Когда я возвращаюсь памятью к нашим дзержиновским годам, меня охватывает трогательное чувство нежности, и тогда я чувствую нежность, счастье от моих тогдашних детских чаяний и от воспоминания их, в настоящем... Я хотел бы обнять тебя сердечно и опять встретиться в наших лесах – слушать шепот деревьев, песни лягушек и всей нашей деревенской музыки. И именно, может быть... силой моей жизни была эта музыка леса и лугов моих детских лет, которая еще сегодня звучит в моей душе как гимн жизни»¹⁴⁶. Впрочем, идеализация детства – частое явление.

¹⁴⁵ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 30–31.

¹⁴⁶ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 31–32.

Виленская гимназия и начало революционного пути

В десятилетнем возрасте, осенью 1887 г., Феликс Дзержинский вместе с мамой и сестрой Альдоной приехал в Вильно, где выдержал экзамен в начальный класс Первой Виленской гимназии¹⁴⁷. Это было привилегированное учебное заведение, многие выпускники которого впоследствии стали известными общественными деятелями, представителями науки и искусства¹⁴⁸. В гимназические и студенческие годы закладывались основы мировоззрения многих будущих государственных и политических деятелей¹⁴⁹, не станет исключением и Ф. Дзержинский.

История Первой Виленской мужской гимназии уходила далеко в прошлое. Формально она была образована в 1803 г. на основе императорского акта Александра I от 4 апреля, когда существовавшая с 1780 г. Главная школа Великого Княжества Литовского была преобразована в гимназию с подчинением ее Императорскому Виленскому университету. В свою очередь история Главной школы Великого Княжества Литовского начиналась с Виленской иезуитской академии, которая была преобразована в 1579 г. из иезуитской коллегии, возникшей в Вильно еще в 1570 г.

Здание гимназии помещалось в бывшем университетском здании, так как сам университет был упразднен вскоре после польского восстания 1830–1831 гг. рескриптом российского императора Николая I от 1 мая 1832 г. Первая Виленская гимназия находилась по адресу: ул. Благовещенская, 26. Сейчас эта улица поделена на две: Dominikonu и Sv. Jono.

Это было достаточно величественное и художественное здание. Художник Мстислав Добужинский¹⁵⁰, окончивший соседнюю 2-ю Виленскую гимназию в 1895 г. (в первой гимназии отсутствовали на момент его перевода вакансии), вспоминал: «Старый университет представлял из себя довольно сложный конгломерат зданий с внутренними дворами и переходами. От прежних времен сохранилась и небольшая башня давно упраздненной обсерватории с красивым фризом из знаков Зодиака. Все эти здания окружали большой двор Первой гимназии, засаженный деревьями; ко двору примыкал стройный фасад белого костела св. Яна, а рядом с костелом стояла четырехугольная колокольня с барочным верхом, возвышавшаяся над всеми крышами Вильны»¹⁵¹.

Однако в величественном здании гимназии существовала жесткая система обучения, подавляющая любое вольнолюбие, особенно польское. «Это уже была давно имевшаяся реальность, с которой сталкивались все поступавшие в нее. Виленская первая гимназия, воспитавшая и премьер-министра Столыпина¹⁵², и маршала Пилсудского, и драматического артиста Шверубовича-Качалова, была всегда одной из образцовых по строгости гимназий России. Школьные законы на северо-западной окраине были после польского восстания 1864 года самые draconовские. Н. А. Сергиевский, ставленник графа Д. А. Толстого, 29 лет подряд управлявший виленским учебным округом, откровенно и неумолимо проводил политику кле-

¹⁴⁷ Гимназию возглавлял выпускник Санкт-Петербургского университета, действительный статский советник Николай Иванович Юницкий, в гимназии преподававший также географию и историю. Новым директором с 1894 г. станет Павел Иванович Яхонтов (1848–1910).

¹⁴⁸ Ратьковский И. С. Из Вильно в Петербург: выпускники Первой Виленской гимназии в Санкт-Петербургском университете // Клио. 2013. № 10. С. 99–101.

¹⁴⁹ Гаврилова О. А., Ходяков М. В. Санкт-Петербургский университет в судьбах лидеров русского либерализма: Ф. И. Родичев и В. Д. Набоков // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 116–133.

¹⁵⁰ Добужинский Мстислав Валерьянович (1875–1957), русский художник, участник творческого объединения «Мир искусства».

¹⁵¹ Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 93.

¹⁵² Петр Аркадьевич Столыпин, будущий премьер-министр России, обучался в гимназии первые шесть классов с 1874 по 1879 г.

рикально-реакционную. Поляки и евреи только терпелись. До 1905 революционного года, в сильное подражание несравненному Муравьеву-вешателю, неуклонно осуществлялась генерал-губернаторами программа мести и истребления национальных особенностей. Опека педагогической полиции была ревнивая и соглядатайствующая»¹⁵³.

Окончивший в 1885 г. Виленскую гимназию будущий лидер Польши Юзеф Пилсудский писал: «Я стал учеником первой Виленской гимназии, находящейся в стенах старинного Виленского университета, бывшей Альма-матер Мицкевича и Словацкого»¹⁵⁴. Выглядело здесь, естественно, иначе, чем в их времена. Хозяйствовали здесь, учили и воспитывали молодежь царские педагоги, которые приносили в школу всякие политические страсти, считая в порядке вещей попираание самостоятельности и личного достоинства своих воспитанников. Для меня гимназическая жизнь была своего рода каторгой... Не хватило бы воловьей кожи на описание неустанных, унижающих придирок со стороны учителей, их действий, позорящих все, что ты привык уважать и любить... В таких условиях моя ненависть к царским учреждениям, к московскому притеснению возрастала с каждым годом...»¹⁵⁵.

Хотя Феликс Дзержинский поступил в Виленскую гимназию спустя два года после окончания ее Пилсудским, для ее учеников мало что изменилось. Для Дзержинского это была все та же душная атмосфера подавления личности, особенно по сравнению с его вольным детством. Гуляя в 1909 г. со своей будущей женой в окрестностях Кракова, Дзержинский эти годы вспоминал неохотно. «Скупое, но с ненавистью вспоминал Юзеф»¹⁵⁶ гимназический режим, русификаторство, шпионаж за учениками, принудительное посещение в табельные дни молебнов¹⁵⁷, дрессировку на квартире учителя гимназии в Вильно, где он жил вместе с братьями», – писала об этом С. С. Дзержинская¹⁵⁸. Много лет спустя, в 1914 г., Феликс Дзержинский писал практически то же самое: «Когда я вспоминаю гимназические годы, которые не обогатили моей души, а сделали ее более убогой, я начинаю ненавидеть эту дрессировку, которая ставит себе задачей производство так называемых интеллигентов. И светлые воспоминания мои возвращаются к дням детства и перепрыгивают через школьные годы к более поздним годам, когда было так много страданий, но когда душа приобрела столько много богатств...»¹⁵⁹.

Схоже отзывался о гимназии и другой ее знаменитый ученик, известный в будущем актер Василий Иванович Качалов, тогда еще не взявший свой псевдоним и носивший фамилию Шверубович (окончил гимназию в 1893 г.). В разговоре с профессором В. Н. Сперанским, также выпускником гимназии и своим однокашником, он говорил, что «...несмотря на принадлежность свою тогда к господствующей национальности и к привилегированному православию, он вспоминает гимназические годы с одной только грустью, даже жутью»¹⁶⁰.

Дзержинскому пришлось особенно тяжело, учитывая его характер и необузданное свободолобие. Сразу переводить его в частный пансионат не стали и первые два года обучения он жил в Вильно с мамой. Елена Игнатьевна поселилась с детьми в доме № 21 по Заречной улице (в советский период Ужопио) у своей родной сестры Эмилии Игнатьевны Завадской¹⁶¹. Феликс Иосифович Завадский по-прежнему оказывал помощь Дзержинским. На лето они возвращались домой в Дзержиново.

¹⁵³ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

¹⁵⁴ Словацкий Юлиуш (1809–1849), польский национальный поэт. Его мать – Саломея Янушевская.

¹⁵⁵ Налетч Д., Налетч Т. Юзеф Пилсудский – легенды и факты / пер. с пол. М., 1990. С. 11.

¹⁵⁶ Партийный псевдоним Ф. Э. Дзержинского.

¹⁵⁷ Дни рождения российского императора и членов его семьи.

¹⁵⁸ Дзержинская С. С. В годы великих боев. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1975. С. 123.

¹⁵⁹ Дзержинский Ф. Дневник и письма. М., 1956. С. 158.

¹⁶⁰ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

¹⁶¹ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 41.

Позднее, уже в 1889–1895 гг., Феликс Дзержинский вместе с братьями поселился в частном пансионе, расположенном на квартирах преподавателей гимназии: сначала у учителя приготовительного класса Федора Матвеевича Барсова, а затем у преподавателя математики Павла Павловича Родкевича¹⁶².

Это была известная гимназическая практика, формально улучшавшая успеваемость, а на самом деле позволяющая гимназическим учителям иметь дополнительный доход, зачастую завышенный по сравнению с оказываемыми услугами. При этом проживание на гимназическом пансионе не только дорого обходилось гимназистам, но и неформально было рекомендовано. «Эти коммерческие заведения, по-польски «станции», чаще всего содержали учителя. Вся жизнь ребят здесь находилась под постоянным бдительным контролем наставников и надзирателей гимназии. Тяжко жилось братьям, особенно свободолюбивому и пылкому Феликсу, в перенаселенных комнатах этой частной «бурсы»¹⁶³.

Помпезность, парадность и официоз обучения в гимназии сказывались во всем. Так, начало первого учебного года для Дзержинского и для всех остальных гимназистов и преподавателей Виленской 1-й гимназии ознаменовалось посещением ее 4 сентября 1887 г. Обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым. «Г. Обер-Прокурор прибыл в гимназию в 12 час. 7 мин. Дня в сопровождении г. Виленского, Ковенского и Гродненского Генерал-Губернатора и г. Управлявшего учебным Округом Помощника Попечителя. Встреченный при входе Директором гимназии с почетным рапортом, Г. Обер-Прокурор изволил обойти и обозреть все занимаемое гимназией помещение: актовый зал, библиотеку, церковь, все классы, расположенные во 2-м этаже здания, и гимнастический зал. При обозрении церкви почетный гость обратил особенное внимание на живопись в иконостасе, на Кирилло-Мефодиевскую хоругвь, придельный иконостас и плащаницу и остался вполне доволен изяществом и общим видом церкви, заметив, что подобные домовые храмы редки в провинциях. Обходя затем классы Г. Обер-Прокурор, поздоровавшись с преподавателем и учащимися, расспрашивал о предмете преподавания, о числе учеников в классе и интересовался летами некоторых воспитанников, званием и служебным положением их родителей... В 1 час 48 мин. почетный гость отбыл из гимназии в смежное помещение Виленского учительского института, выразив свое удовольствие и благодарность Директору за все виденное им...»¹⁶⁴. Рвение преподавателей в разы увеличилось, но вряд ли посещение обер-прокурора Синода сказалось положительно на гимназистах, скорее наоборот.

Помимо подобных высочайших столичных посещений, во время выпускных экзаменов гимназию ежегодно посещали генерал-губернатор и архиепископ Виленский и Литовский. Также в гимназии торжественно отмечались: день памяти великих славянских первоучителей святых Кирилла и Мефодия, дни рождений членов царствующего дома и т. д. Особенно торжественно праздновали в сентябре 1888 г. 900-летие крещение Руси св. равноапостольным Владимиром. Первая Виленская гимназия считалась цитаделью русского образования и культуры, и все преподавание строилось вокруг этого.

Несмотря на предпринятые меры по адаптации Феликса к учебе, в первом классе он остался на второй год, так как плохо знал русский язык, на котором велось все обучение в гимназии. Между тем в семье Дзержинских всегда говорили по-польски, и обучение русскому языку молодого Феликса началось при помощи старшей сестры Альдоны только в 7 лет. «Когда Феликсу исполнилось шесть лет, – вспоминала Альдона, – я начала учить его читать и писать, сначала по-польски, а с семи лет мы стали изучать и русский язык»¹⁶⁵. Занималась с Фелик-

¹⁶² Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография / редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 11. Петербургский и пинский архитектор Николай Котович // Гістарычная брама № 1 (24). 2009.

¹⁶³ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 41.

¹⁶⁴ Пахомов Алексей Петрович. Детство / В Вильнюсе. (дата обращения: 07.02.2017).

¹⁶⁵ Дзержинская-Коялло А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современ-

сом и его мать. «Помню летние вечера, когда мы сидели на крыльце... Помню, как на том же крыльце мама учила меня читать, а я, опершись на локти, лежал на земле и читал по складам. Помню, как по вечерам мы кричали, и эхо нам отвечало...» – вспоминал позднее Дзержинский¹⁶⁶. Однако уроки матери, занятой по хозяйству, были нерегулярными, а помощь сестры ограничивались каникулярным периодом. Домашнего обучения было явно недостаточно, как учитывая указанное обстоятельство, так и то, что у самой Альдоны на шестом году обучения была переэкзаменовка по русскому языку. Хотя недооценивать педагогические навыки сестры не стоит, в дальнейшем Альдона учила Дзержинского и французскому языку. В 1902 г. он вспоминал в письме к Альдоне: «Воспоминания унесли меня в прошлое, припоминая Держиново. Помнишь, как ты учила меня по-французски и раз несправедливо хотела поставить меня в угол? Помню эту сцену как сегодня: я должен был переводить письменно с русского на французский. Тебе показалось, что я перевернул листы и какое-то слово переписал. Из-за этого ты послала меня в угол. Но я ни за что не хотел идти, потому что ты несправедливо меня обвинила. Пришла мама и своей добротой убила меня стать в угол»¹⁶⁷.

Впрочем, как и оставление Феликса на второй год, так и переэкзаменовку Альдоны, можно оценивать не только как оценку их знаний, но и как результат целенаправленной политики русификации, характерной для виленских гимназий того времени. Так, Альдона была оставлена на переэкзаменовку по русскому языку только потому, что не смогла объяснить значение всего лишь одного русского выражения «студеная вода». На вопрос учителя она ответила, что это вода из студня (по-польски колодец). На недоуменный вопрос педагога одноклассница сестры Дзержинского объяснила, что по-польски колодец называется студней. Узнав, что Альдона дома говорит по-польски, преподаватель заявил: «Я научу вас говорить по-русски. Получите переэкзаменовку!»¹⁶⁸.

Возможное объяснение строгости преподавателя русского языка к Дзержинскому – явное нежелание Феликса смириться с навязыванием русского языка. «В те годы в гимназии, как и во всей Литве, преследовалось все польское. В коридорах гимназии и на дверях висели надписи: «Говорить по-польски строго воспрещается. Это особенно возмущало моего брата», – вспоминала уже другая сестра Дзержинского¹⁶⁹. Можно упомянуть и другой схожий случай, ставший известным благодаря газетной публикации. Согласно сообщению газеты «Гражданин», в 1888 г. в Вильно был исключен ученик за разговор на польском языке. Как раз в тот год, когда Дзержинский стал второгодником¹⁷⁰.

Отметим также общий строгий подход к учебе, характерный для Первой Виленской гимназии. Почти четверть учащихся, «по малоуспешности», оставались на второй год. Первые классы в гимназии были переполнены, и практика оставлений на второй год и даже отчисления была своего рода визитной карточкой гимназии. «Наибольшим многолюдством отличаются младшие классы гимназии, до IV включительно... Среднее число учащихся в каждом отделении названных классов – 51 человек, больше установленной нормы на 11 человек. В старших классах число учащихся постепенно понижается... Среднее число учеников в каждом из них 30 человек»¹⁷¹. Таким образом, отсеб в младших гимназических классах составлял

менников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 17.

¹⁶⁶ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 53.

¹⁶⁷ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 53.

¹⁶⁸ Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 18.

¹⁶⁹ Дзержинская Я. Э. Наш Феликс // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 22.

¹⁷⁰ Гражданин. Вильно. 1888. № 151.

¹⁷¹ Пахомов Алексей Петрович. Детство / В Вильнюсе. (дата обращения: 07.02.2017).

больше 40 %. В дальнейшем численность также понижалась, но в гораздо меньшей степени, что было вызвано как отчислениями гимназистов, так и переводами их в другие гимназии.

Второй год обучения удался Феликсу Дзержинскому значительно проще. Постепенно сказывались его способности к точным наукам, особенно к математике и физике. Перевод в третьем классе в частный пансион также имел значение.

Наибольшие проблемы по-прежнему были с преподавателями русского языка, а также немецкого языка. Эти преподаватели стремились всячески унижить достоинство польских и еврейских гимназистов. За первое полугодие 1889/1890 учебного года Дзержинский имел за поведение всего лишь удовлетворительную оценку. Она была снижена за его шалости и драку с товарищами в гимназии: «умышленный крик при вводе в класс преподавателя немецкого языка».¹⁷² Упомянутый преподаватель одно время даже требовал отчисления Феликса Дзержинского из гимназии¹⁷³.

Сохранилось описание Дзержинского этого периода, сделанное его старшим товарищем В. Н. Сперанским: «Ровесник мой по возрасту, Дзержинский был в виленской первой гимназии одним классом моложе меня. Отчетливо вижу его теперь перед моим духовным взором, вижу двенадцатилетним мальчиком, живым как ртуть и почти эпилептически нервным. Бледное малокровное лицо поминутно искажается гримасой. Резкий пронзительный голос как-то болезненно вибрирует. Неистовый Феликс постоянно носится ураганом по гимназическим коридорам, шумит, шалит и скандалит»¹⁷⁴. О носящемся по коридорам гимназии Дзержинском Сперанский писал и в более ранних воспоминаниях, очевидно, это запомнилось Сперанскому. Правда, в них он явно демонизировал Дзержинского, в отличие от приведенных более поздних воспоминаний, откровенно подлаживаясь к требованиям эмиграции. «Вижу его теперь, как живого, перед моим духовным взором, вижу его 11-летним мальчиком, с светло-зелеными глазами, в которых то и дело вспыхивают сатанинские огоньки. Подвижный, как ртуть, ураганом носился он по обширным коридорам нашей гимназии, служившей прежде заданием виленского университета, но у него совсем не чувствовалось здоровой и непосредственной жизнерадостности, не было заметно детского незлобивого задора, наоборот, сразу бросалось в глаза какое-то нарастающее ожесточение, непримиримое не только против русской власти и русской национальности, но и против всего человечества. Тот человеконенавистнический садизм, который стал самой яркой чертой Дзержинского, когда он сделался верховным палачом русского народа, недвусмысленно проявлялся у него еще на школьной скамье»¹⁷⁵.

Но не только характер двенадцатилетнего подростка толкал Феликса на разные поступки. Сказывалось унижение и в ситуациях, которые напоминали об «особом» положении поляков и других инородцев в гимназии. Упомянутый уже соученик Дзержинского В. Н. Сперанский вспоминал: «По царским дням ученики всех христианских вероисповеданий обязаны были выстаивать литургию и молебен – младшие четыре класса в домовый гимназический церкви, а старшие четыре – в Николаевском кафедральном соборе (теперь снова превращенном в костел)¹⁷⁶. Как сейчас помню, что 26 февраля 1891 года в домовый нашей церкви Феликс Дзержинский стоял вплотную впереди меня. Превосходно пел гимназический хор. Наш законоучитель Антоний Павлович Гацкевич, тонкий позер и отличный проповедник, служил театрально-красиво. Дзержинского ничто в русском храме не интересовало.

¹⁷² Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 20–21.

¹⁷³ Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 11; *Дзержинская С. В.* Героическая молодость. М., 1977. С. 41.

¹⁷⁴ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

¹⁷⁵ Феликс Дзержинский. Страницы школьных воспоминаний проф. В. Н. Сперанского //Иллюстрированная Россия. 1926. Июль. Вып. № 31. (64) С. 13.

¹⁷⁶ Только с 1897 г. обязательное присутствие по царским дням на церковной службе в православном соборе для гимназистов-католиков и гимназистов-лютеран было отменено.

Он томительно скучал и непрерывно вертелся. Наконец, Феликс сказал мне чрезвычайно нервным шепотом:

– Черт возьми! Мундир режет под мышками, галстук вылезает, ноги одеревенели. Скоро домой пойдем?

– А ты молись Богу о том, чтобы обедня скорее кончилась, – довольно неудачно пошутил я.

– На каком же языке прикажешь, Сперанский, вашему Богу молиться: ведь по польским молитвенникам вы нам запрещаете даже в костелах молиться, – ответил Дзержинский с ехидной усмешкой.

Я не знал о таком запрете, бесконечно оскорбительном для польского национального чувства, был очень сконфужен язвительной репликой Дзержинского и сумел ответить только так:

– Ну, стой смирно и помалкивай, а не то инспектор увидит!

– Буду стоять смирно и помалкивать, – возразил Дзержинский с загоревшимися недобрыми искорками, – буду стоять до поры до времени руки по швам, – повторил он уже угрожающим тоном...»¹⁷⁷.

Не сложились его отношения, по воспоминаниям В. Н. Сперанского, и с некоторыми другими преподавателями, требовавшими слепого подчинения и являвшимися сторонниками муштры и зубрежки. Так, в 1892 г. Дзержинский навлек на себя особую немилость преподавателя военной гимнастики, поручика К. И. Смильгина своим вызывающим антидисциплинарным поведением в строю и «за фронтом»¹⁷⁸. Дзержинский, передразнивавший его на одном из его занятий и тем самым нарочито сбивавший гимназистов с безукоризненного выполнения команд поручика, был изгнан из гимназического зала. Вскоре он попался на глаза инспектору гимназии Александру Ефимовичу Егорову. После долгой нотации на повышенных тонах со стороны инспектора Дзержинский был наказан трехчасовым сидением под арестом в воскресенье в одном из пустующих классов. Вместе с ним в соседних пустующих классах были заперты другие провинившиеся гимназисты. Оставшись один, Дзержинский в качестве ответной меры подлил чернила в питьевой фильтр, из которого пили преподаватели и гимназисты, тщательно вытерев его затем снаружи. В результате на следующий день система была фактически выведена из строя, при этом никто так и не стал подозревать Дзержинского и только товарищи знали о его проделке¹⁷⁹.

В воспоминаниях 1926 г., написанных спустя несколько дней после смерти Дзержинского, В. Н. Сперанский, нарочито упрощая ситуацию и демонизируя уже гимназического Дзержинского, писал об этом случае иначе. Оставив за скобками многие подробности изгнания из строя Дзержинского, он писал о том, что чернила были вылиты в питьевой фильтр, предназначенный исключительно для младших гимназистов (что не соответствовало истине), с последующим подробным описанием «горького изумления малышей гимназистов». В спешке Сперанский даже позабыл о двух младших братьях-гимназистах Дзержинского, да и сама ситуация в таком виде становилась абсурдной. Подобный пример должен был служить примером уже упомянутого «изначального садизма гимназиста Дзержинского»¹⁸⁰. В более поздних и более подробных и взвешенных воспоминаниях он уже писал о питьевом фильтре, из которого пили преподаватели, о малышах-гимназистах уже не упоминая.

¹⁷⁷ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

¹⁷⁸ Смильгин Константин Иванович, выпускник Виленского пехотного юнкерского училища 1878 г. по 2 разряду в 106 пехотный уфимский полк, в 1892 г. поручик того же полка, привлекался для занятий военной гимнастикой в Первую Виленскую гимназию. С 1899 г. в запасе.

¹⁷⁹ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

¹⁸⁰ Феликс Дзержинский. Страницы школьных воспоминаний проф. В. Н. Сперанского //Иллюстрированная Россия. 1926. Июль. Вып. № 31 (64). С. 13.

Читая подобные воспоминания, не следует считать Дзержинского наиболее неконтролируемым гимназистом, каким-то отъявленным смутьяном. Нарушения подобного рода часто фиксировались в первой виленской гимназии, несмотря на всю строгость режима, а может как раз и благодаря этому. К подобным нарушителям дисциплины в гимназии была разработана целая система наказаний, возмравших по мере тяжести проступка.

Меры взыскания, примененные для предупреждения или пресечения проступков со стороны учеников, например, за 1889/90 г. были следующие.

Одиное сидение в классе; этого рода взыскание применено было по отношению к ученикам младших классов 11 раз. Выговор классного наставника перед классом сделан был 182 ученикам из общего числа 441 учеников младших четырех классов и пригготивительного и 36 ученикам из 177 учеников старших классов. Оставление в гимназии на 1 час после уроков с оповещением о том родителей; таких взысканий приходилось на учеников младших классов 1127. Назначение особых занятий на дом в праздничные и воскресные дни, для пополнения упущенного, применено было к 52 ученикам младших классов и к 6 старших. Задержание в гимназии на время до 3-х часов; случаев этого рода взысканий было 145, примененных к ученикам младших классов, и 29 – к ученикам старших классов. Выговор Инспектора перед классом с внесением в штрафной журнал; таких взысканий в течение года было назначено ученикам младших классов 36, а ученикам старших классов – 13. Заключение в карцер на время 1–4 часов – взыскание, наложенное на 100 учеников младших и 27 учеников старших классов. Выговор Директора перед классом, с понижением балла за поведение, подвергались 23 ученика из числа учеников младших классов и 1 – из учеников старших классов. Заключение в карцер на время 4–8 часов применено по отношению к 3 ученикам старших классов. Заключение в карцер на время от 8 часов до 1 суток были подвергнуты 13 учеников младших классов. Выговор от имени педагогического совета был сделан 1 ученику класса. Уроки посещались учениками исправно, и за отчетный год насчитывается всего 44 урока, пропущенных учениками по причинам, которые не были признаны уважительными¹⁸¹. Таким образом, проступки Феликса Дзержинского не были чем-то особенным для стен первой виленской гимназии.

Вполне сложившимися были и его отношения с товарищами по гимназии. Тот же самый Сперанский говорил о товарищеских отношениях с Дзержинским и о том, что ничего, кроме добра, лично ему Дзержинский не делал¹⁸². Более того, старшая сестра Ядвига, помогавшая Феликсу в учебе, вспоминала: «У Феликса было очень отзывчивое сердце. Помню такие случаи. Мать купит ему новые ботинки или форменную рубашку, смотрим, он приходит домой в каких-то рваных ботинках или старой рубашке. Оказывается, Феликс обменял с нуждающимся товарищем лучшее на худшее. Очень часто он свой завтрак, положенный ему в ранец, отдавал тому, у кого его не было»¹⁸³.

При этом Феликс Дзержинский оставался самим собой, учеником, способным на шалости и проделки на любом уроке, в том числе и на математике. Так, Дзержинский мог подменить свою сданную работу (тетрадь) по алгебре на квартире у преподавателя математики Павла Павловича Родкевича, когда его жены не было дома, и подбивать на это товарища. Это облегчалось тем обстоятельством, что Феликс Дзержинский жил в это время в качестве пансионера уже на квартире последнего¹⁸⁴.

¹⁸¹ Пахомов Алексей Петрович. Детство / В Вильнюсе (дата обращения: 07.02.2017).

¹⁸² В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

¹⁸³ Дзержинская Я. Э. Наш Феликс //Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 107–108.

¹⁸⁴ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.